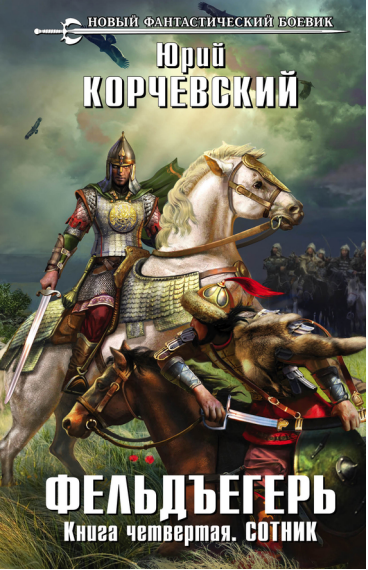

Юрий Григорьевич Корчевский
Сотник
Серия «Фельдъегерь», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10315173
Юрий Корчевский. Фельдъегерь. Книга четвертая. Сотник: Яуза, Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-80079-7

Аннотация

Продолжение знаменитого цикла о приключениях Алексея Терехова, бывшего офицера фельдъегерской службы России, в далеком прошлом.

Выжив в авиакатастрофе, Алексей становится обладателем редчайшего артефакта, способного переносить человека во времени. Вернувшись в наши дни, он живет скучной, обыденной жизнью, но время от времени достает заветный артефакт из тайника и предается воспоминаниям. И вот случайное прикосновение к магическим рунам и... Алексей снова в Древней Руси во времена нашествия хана Батыя. Что ж, придется бывшему фельдъегерю вспомнить, с какой стороны держаться за меч...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Моголы	6
Глава 2. Водонос	23
Глава 3. Телохранитель	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юрий Корчевский

Сотник

В оформлении переплета использована работа художника О. Горбачика

© Корчевский Ю., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог

Выжив в авиакатастрофе, фельдъегерь Алексей Терехов знакомится с замечательной девушкой Натальей, ставшей впоследствии его женой.

Изъятый им у убитого беглого зэка невзрачный камень оказывается редчайшим в своем роде артефактом, переносящим человека в другое время.

Алексей попадает в Византийскую империю и проходит путь от рядового гоплита до трибуна. Побратавшись с легатом Острисом, он не раз спасает ему жизнь.

В дальнейшем благодаря артефакту он участвует в Крестовом походе под водительством короля Ричарда Львиное Сердце. Отказавшись казнить пленных сарацин, он сам едва избегает гнева короля и покидает рыцарей-крестоносцев.

Приняв имя рыцаря из Бургундии, Анри Саважа, умершего на его глазах, Алексей заводит дружбу с немцем Конрадом, который вместе с ним верой и правдой служит Владимиру Мономаху, Великому князю Киевскому.

Вернувшись в свое время, Алексей довольно долго ведет размеренный образ жизни семейного человека. Но он чувствует, что ему не хватает драйва, адреналина, и потому, не в силах удержаться, в очередной раз прибегает к помощи артефакта.

Он участвует в походе на болгар, с новгородскими ушкуйниками грабит саамские земли – только не по сердцу ему разбой. При боярине рязанском Кошкине он становится сыном боярским, а уже после поединка с Тагир-Батыром князь его жалует боярином.

В трудных обстоятельствах Алексею удастся выжить, остаться верным долгу воинскому, сохранить честь и порядочность, а еще – обрести настоящих и верных друзей.

Глава 1. Моголы

Шло время, и после последнего приключения Алексея Терехова в другом времени прошло уже полгода. Жизнь его текла по наезженной колее: дом, работа – все как у многих других людей. Обиженная квартира, жена Наталья любимая. Когда они познакомились, то вначале невзлюбили друг друга. Но коли правду говорят, что от любви до ненависти один шаг, то правда и то, что от ненависти к любви – тоже короткое расстояние. Сейчас Алексею и представить сложно, что рядом с ним могла быть другая женщина.

Они купили машину – из бюджетных иномарок, регулярно посещали выставки, музеи, театры: в плане культурного досуга Наталья была большой затейницей.

Для поддержания физической формы Алексей ходил в секцию боевых единоборств, только в отличие от спортсменов качалками и тяжестями не увлекался. Рельефные мышцы – это, конечно, красиво, на пляже женщины их обладателей взглядами ласкают, только накачанные мускулы в быстроте реакции проигрывают.

Один из занимающихся в секции предлагал Алексею поучаствовать в исторических реконструкциях, только это было Алексею неинтересно. После реальных боев – до крови, до смерти врага – уже больно все это было пресно. Это было все равно как если бы после реальной машины он сел за компьютерный симулятор. Звук мотора есть, на мониторе дорога навстречу летит, но тем не менее присутствует ощущение обмана. Все равно что пить безалкогольное пиво.

Кто-то в ночные клубы ходил, время убивал; другие же, кому в жизни адреналина не хватало, занимались вещами рискованными – бейсджампингом, стритрейсингом. Но Алексей считал, что риск должен быть оправдан. Ну, прыгнешь ты с высокой мачты или заводской трубы с парашютом – что, мир от этого лучше станет? Нет за этим дела благородного, нужного людям.

Перекося какой-то в обществе настал. Не сразу, почти незаметно, но все больше заморский образ жизни, его ценности стали входить в моду. Только ведь жизнь там другая, как и менталитет. Не наше это, чуждое. И вот ведь, двадцать семь лет Алексею, не старик, а иной раз молодых, почти сверстников своих понять не мог. Зачем тебе суши, если ты расстегаев не ел? Гнилые ценности на Западе, если они ничего лучше однополых браков предложить не могут. А это тупик. Нет, Алексей не цеплялся за исконную и домотканую, но и россиянам было чем гордиться.

Периодически, когда Натальи дома не было, он вынимал из маленького тайничка под подоконником кожаный мешочек и доставал из него артефакт со следом, оставленным ножом подосланного убийцы, перстень с бриллиантом и золотую фигу – подарки Остриса. Разглядывал, оглаживая пальцами – воспоминания захлестывали. И ведь было чем гордиться, один поединок с Тагир-багатуром чего стоил! Осторожничал, конечно, еще неизвестно, что мог его артефакт выкинуть, потому всякий раз перед этим пояс с боевым ножом в чехле надевал.

Однако сколько он ни гладил камень с рунами, ничего не происходило. Видимо, выщерблина от ножа не прошла для артефакта даром, нарушились его свойства. И через какое-то время, убедившись в бесплодности своих попыток, Алексей и пояс надевать перестал. Камень с необычными свойствами стал просто вещью, напоминавшей ему о славном боевом прошлом.

Когда Алексей осознал это, он два дня пребывал в глухой тоске, и если бы Наталья со своей интуицией не уловила его состояние, ему пришлось бы совсем плохо. В душу к нему она не лезла, не тормозила, но затянула его на американские горки, потом на водные

аттракционы, а вечером – на дружескую вечеринку к знакомым на дачу, где звучали анекдоты и были танцы до упаду.

Постепенно горечь невосполнимой утраты ушла, осталось только сожаление и даже обида. Алексей все реже брал в руки камень, чтобы не бередить душу воспоминаниями. Но памяти не прикажешь.

Однажды он случайно переключил канал телевизора, а там – «Монгол». С виду одежда, оружие, традиции – как у половцев или печенегов, одно слово «степняки». Время для них как будто застыло, с пятисотого по тысячу пятисотый год стояло на месте – юрты, кони, сабли, халаты, набег. Как жили разбоем и скотоводством, так и продолжали жить. А в Европе за это тысячелетие появились пушки, компас, большие корабли, книгопечатание, искусства. Два мира, две идеологии.

Но фильм смотреть – это одно, а ведь он сам все это видел, своими глазами, во многих событиях участвовал, вложил свою, пусть и малую лепту в изменение мира.

Наталья в среду уехала в командировку, журналиста, как и волка, ноги кормят. Обещала вернуться через три дня.

– Еды в холодильнике полно. Да ты, Терехов, мальчик взрослый, с голоду не умрешь. Все, целую.

И, чмокнув Алексея в щеку, Наталья умчалась с сумкой через плечо – внизу ее ждало такси.

Некоторое время Алексей послонялся по пустой квартире, а потом ноги сами понесли его к тайнику. Он достал мешочек, полюбовался золотой фигой, надел на палец перстень. Обратил внимание на то, что тот стал ему слегка тесноват, неужели толстеет? Из маленького мешочка, который он раньше носил на шее, на кожаном ремешке, достал камень. Он был невзрачный, под ноги попадет, никто и не наклонится. Единственное, что отличало его от простого голыша, так это полустертые руны.

Алексей уселся на стул, погладил камень. Под палец попала выщерблина от ножа – не раз уже Алексей мысленно благодарил камень. Артефакт отклонил лезвие ножа в сторону, от сердца фактически отвел, жизнь спас.

За размышлениями и воспоминаниями он сжал камень посильнее и непроизвольно, большим пальцем провел по рунам. Не раз он уже так делал и сейчас ничего не ожидал.

Но раздался треск, как от электрического разряда, и за ним последовала яркая вспышка, от которой Алексей зажмурил глаза. Голова знакомо закружилась, дыхание перехватило.

Пришел в себя Алексей на голой земле. В груди было и радостно и тревожно – он уже понял, что попал в другое время. Но что за местность и какой сейчас год?

Алексей поднялся с земли, огляделся. Деревья стояли в инее, земля была голой, и по ней мела снежная поземка, предвещавшая близкую снежную бурю. Похоже, что было самое начало зимы, а он в джинсах и рубашке, чай – в своей квартире перед переносом был.

Пошарив по карманам, он обнаружил в них только нож перочинный, французский, монеты да зажигалку бензиновую. Лезвие у ножа – десяток сантиметров, только колбасу нарезать и карандаши точить, точно не оружие.

Алексей усмехнулся – снова безоружен. Сколько можно на одни и те же грабли наступать?

Недалеко вилась грунтовая дорога, местами уже переметенная снежком.

Алексей побежал: надо было согреться, мороза градусов пять и ветер.

Через четверть часа показался небольшой хутор, и Алексей обрадовался. Хутор – это тепло и еда. А поскольку на Руси было принято привечать путников в непогоду, он постучал в низкую калитку. Ее можно было запросто перешагнуть, только тогда гостеприимства не жди, непрошеным гостем будешь.

Дверь избы отворилась – не на железных петлях дверь, на кожаных, и Алексей вздохнул: похоже, далеко в глубь веков его забросило. Хотя не факт: хутор маленький, бедный, а железо всегда стоило дорого.

– Кого Бог послал? – подслеповато прищурился хозяин, седовласый старик.

– Пустите Христа ради обогреться.

– Ну так входи, калика перехожий.

На калику Алексей похож не был, но спорить не стал. Он открыл калитку, вошел во двор и легко взбежал по крыльцу.

– Вечер добрый, хозяин.

– Проходи, проходи. Печь топится, согрейся.

Алексей вошел в избу.

Избенка была маленькой, в одну комнату. Посерединке русская печь стоит, на печи старуха, голову свесила, любопытствует, кого принесло.

Алексей у печи встал, приложил руки к теплым каменным бокам, а, согрев ладони, прислонился к печи спиной. Футболка – плохая защита от ветра и мороза.

Пока у печи грелся, комнатенку осмотрел. Скучно, бедно старики живут. Съестным не пахнет, скотины не слышно.

Некоторое время хозяин в сенях возился, и Алексей успел согреться. Но когда тот вошел, то стал задавать Алексею вопросы:

– Ты откуда, милоч?

– Из-под Рязани.

– Так к городу басурмане подступили!.. Давеча торговые люди обозом проезжали, так на ночевку не остановились, торопились уйти подальше.

– Далеко ли до Рязани?

– С полсотни верст будет. Князь-то, Юрий, бают, в городе с дружиной заперся, подмоги ждет. Только басурман тьма!

Алексей стал лихорадочно вспоминать, в каком году князь Юрий в Рязани правил, но не смог этого сделать.

– Год-то ныне какой?

– От Сотворения мира или от Рождества Христова?

– От Рождества, православный я.

– Одна тысяча двести тридцать седьмой.

Алексей мысленно ахнул. Блин, вот угодил! Самое начало монгольского нашествия на Русь, полный беспредел!

– Давай-ка, милоч, почивать, стемнело уже.

И в самом деле, за маленьким оконцем, затянутым бычьим пузырем, – темень. Хорошо, что Алексей посветлу успел до хутора добраться. В темноте запросто можно с дороги сбиться и насмерть замерзнуть в чистом поле. При этой мысли Алексей даже поежился – неприветливо встретила его родная земля в другом времени.

Спать он улегся на полатах. Кроме печи, это было единственное место, где можно было лечь спать. Хозяин дал ему под голову старый кожушок вместо подушки – и на том спасибо.

Полати узкие, жесткие, отвык уже Алексей спать в столь спартанских условиях. Однако уснул сразу, устал он сегодня и замерз изрядно.

К утру в избенке стало прохладно, и, проснувшись, Алексей сделал легкую разминку, чтобы разогнать кровь в затекших от жесткой лежанки членах.

Старик закричал и спустился с печи.

В соседнем дворе закричал петух.

– Утро уже. Старуха, ставь кашу.

Алексей помог наносить дров, и, пока хозяйка ставила горшок в печь, Алексей спросил у старика:

– Не найдется ли у тебя зипуна или тулупчика? Я бы купил.

– Поищу. Вроде был где-то старый, ежели моль не потратила.

Хозяин долго возился в сених, а потом занес в избу крестьянский армяк и заячий треух.

– Дарю. Ежели басурмане нагрянут, все подчистую выгребут али избу сожгут. Чем добру пропадать, носи.

Алексей принял подарок. Выйдя на крыльцо, он встряхнул армяк, и столбом поднялась пыль. Сукно на армяке было проедено молью, источено мышами, через проплешины проглядывала вата. Повесив армяк на забор, он выколотил его палкой. Пылица! – едва прочи-хался. М-да, подарок еще тот! И заячий треух ему под стать. Но выбирать не приходилось.

С трудом он натянул на себя армяк. Тот был узок в плечах, рукава едва ниже локтя, а в длину едва прикрывал пятую точку. Не армяк, а тесная куртка, одно утешение – замерзнуть не даст. Треух же так толком на голову и не сел, на макушке держался.

Но Алексей тешил себя надеждой приодеться в городе. Денег местных нет, зато руки из нужного места растут. Плотник или гончар с него никакой, но, учитывая нашествие басурман, воинское умение должно быть в цене. Но он собирался не наемником становиться, а в дружину вступить.

Пока Алексей разбирался с одежкой, каша поспела. По бедности своей хозяйкой она была на воде сварена и льняным маслом приправлена.

Хозяин к столу пригласил, миску полную поставил, обочь – краюху хлеба положил.

Скромное угощение Алексей умял быстро, хозяину за приют и стол поклонился, надел армяк, натянул пониже треух и отправился в дорогу.

Жизнь начинала налаживаться. Одно плохо было – оружия нет. А без него – как голому на улицу выйти, любой человек с дубиной или кистенем обидеть может. Хотя, ежели только с дубиной, то Алексей и сам наказать его в состоянии.

Пока шел, размышлял. Кто эти басурмане? Половцы? Скорее всего – моголы.

Первая волна могольского нашествия случилась в 1223 году, когда хлынувшие в Дикую степь орды моголов столкнулись с половцами. Объединенное войско русских и половцев было разбито на реке Калке одноглазым Субэдей-багатуром. Однако дальнейшего продвижения моголов на запад не случилось.

Моголы воевали с империей Нинь. Они одержали победу, но в августе 1227 года умер Чингисхан.

В 1235 году на берегу реки Онона собрался курултай. На нем ханы решили идти на запад, расширять границы империи – войско не должно засиживаться на одном месте. Империи требовались рабы, трофеи.

Этот поход поручили возглавить внуку Чингисхана, Батыю. Военачальником при нем был Субэдей.

Для похода выделили двадцать тысяч воинов, еще двадцать тысяч мобилизовали, призвав из каждой семьи старших сыновей. Количество достаточное, если учесть, что степь больше прокормить не сможет. Каждый воин должен иметь как минимум трех коней – ездового, боевого и вьючного. Многие, начиная с десятников, имели коней больше. А каждая лошадка кушать хочет, пить, и огромный табун в сто двадцать тысяч коней выщипывал и вытапывал огромную полосу степи, оставляя за собой голую землю. А ведь за войском еще шел обоз – жены, дети, торговцы, кузнецы.

Нашествие началось в ноябре 1235 года. В день захватчики проходили по двадцать пять – тридцать километров, и в низовьях Волги, или Итиля по-могольски, они оказались осенью 1236 года.

Штурмом моголы взяли Булгар. Из четырех туменов, по десять тысяч сабель в каждом, два ушли в Крым, преследуя половецкого хана Котяна. Эти тумены возглавлял еще один внук рода чингизидов, Мунке.

Батый же и Субэдей двинулись к Рязани. Город еще не успел толком отстроиться после пожара.

Осада города продолжалась шесть дней. Рязанцы сражались храбро, но силы были неравны, и город пал. В середине декабря 1237 года моголы взяли его штурмом. Семья князя погибла, а самого Юрия взяли в плен.

Алексей поднялся на пригорок. Отмахал он уже изрядно, но на его пути встречались только опустевшие деревни. Прослышав о нашествии басурман, люди бросали жилища, сажали на подводы детей, бросали туда же скудный скарб, привязывали к подводам скот и уходили подальше.

И сейчас навстречу Алексею шел обоз из трех телег, за которыми на привязи шли коровы.

Алексей остановился на обочине, поздоровался, и хмурый селянин натянул поводья:

– Не ходил бы ты туда, парень. Город горит, басурмане бесчинствуют. Уходи куда подальше.

Столицу княжества моголы разграбили, частично сожгли и устроили пир. Молодых парней и девок взяли в плен и, связав, отправили в Булгар, где Батый планировал устроить себе Ставку.

Обрадованные победой, моголы двинулись дальше на север, грабя по пути маленькие города.

Узнав от гонцов рязанского князя о подступивших басурманах, владимирский князь Юрий Всеволодович собрал войско, куда вошли Владимирский, Черниговский и Новгородский полки, а также остатки рязанской дружины. Возглавил поход сын князя Всеволод и владимирский воевода Еремей Глебович. Войско двинулось к Коломне.

Здраво рассудив, что в России делать нечего, Алексей направился на север – он хотел влиться в любую русскую дружину.

Шел долго и трудно, держался в стороне от пути, где прошли моголы – широкая, вытоптанная полоса земли указывала их путь. Конечно, по сторонам от орды шастали их конные разъезды, но Алексей был осторожен и, едва заметив вдалеке всадников, спешил укрыться в ложбине, леске или за избами, если был в деревне. И потому шел, как по пустыне. Люди с семьями бежали, даже зверье разбежалось.

С едой было плохо, и он ел все, что мог найти в брошенных селениях: где горстку толокна находил на дне горшка, где жевал зерна в не до конца вычищенных амбарах. Отощал, но упорства ему было не занимать. Только пеший не ровня конному.

Моголы подошли к Коломне в последних числах декабря, туда явилось и Владимирское войско.

Битва началась первого января 1238 года на прибрежном лугу рядом с городом и продолжалась три дня. Моголы значительно превосходили в силах и все были конны, а в русском войске половина ратников были пешими.

Битва была ожесточенной и закончилась разгромом русских. Воевода Еремей Глебович пал на поле брани, а князь Всеволод с несколькими дружинниками добрался до Владимира.

Алексей только еще подходил к Коломне, когда битва завершилась. Он наткнулся на полузасыпанный снегом труп русского ратника. Видимо, отступающих владимирских воинов преследовали моголы, потому что ратник был убит стрелой в спину. Алексей прошел бы мимо, да увидел древко стрелы, торчащее из снежного намета.

Разгребая руками снег, он перевернул воина на спину, выпрямился и снял шапку, отдавая дань уважения погибшему. Потом расстегнул ремешок шлема на убитом и примерил

шлем на себя – он пришелся как раз впору. Снял пояс с мечом, опоясался, вытащил меч из ножен. Железо было не слишком хорошее, лезвие с зазубринами, но на безрыбье и рак рыба.

Алексей немного посокрушался. Меч – оружие тяжелое, рубящее. Тут моголы вперед ушли, саблями воюют. Сабелька – она и полегче будет, и в бою сподручнее, ею не только рубить можно, но и колоть. Русские после столкновений с моголами саблю тоже оценят как оружие, более подходящее для конного боя, но еще почти век меч встречаться будет.

Со стороны Алексей выглядел нелепо: на голове – шлем-шишак с вмятинами, на теле – крестьянский изодранный армяк, и мечом опоясан. Из-под армяка джинсы видны, а на ногах – кроссовки, в которых ноги мерзли нещадно. Смесь одежды и меча – невообразимая. И потому, когда сзади послышался тяжелый топот и на дороге остановилась конная рать, его не приняли всерьез.

– Это что за чучело огородное? – спросил передовой воин.

Конные дружинники дозорного отряда, расположившиеся полукругом за спиной Алексея, засмеялись.

Алексеем стало обидно: по одежке встречают...

– А сам-то кто? – сделал он шаг вперед.

Смерд бы согнулся в поклоне, Алексей же вел себя независимо, и воин интуитивно понял, что не смерд перед ним и не холоп.

– Боярин рязанский Евпатий Коловрат! – подбоченился воин. – Сам-то чьих будешь?

– Княжества московского ратник Алексей Терехов.

– А-а-а... – протянул Евпатий. Это для него объясняло и лицо без бороды, и странные одежды.

– Возьмите меня с собой, – попросил Алексей.

– Не на гулянку идем, – посерьезнел боярин, – может статься, головы сложим. Готов ли ты биться до последней капли крови?

– Готов, – не замедлил с ответом Алексей.

– Коли так... Эй, дайте ему заводного коня!

Один из воинов с явной неохотой отдал Алексею своего запасного коня.

– Вернешь опосля, – сказал он. – Кобыла трех годов, сам обучал. А вот седла нет.

– Обойдусь, не впервой. Звать тебя как?

– Брячиславом.

Алексей вскочил на лошадь. Она покосилась лиловым глазом, но незнакомого седока стерпела.

Алексей тронул коня и поехал рядом с новым знакомцем.

– Пожевать не найдется ли чего? От Рязани пешком иду, хлеба не видал.

Брячислав повернулся, достал из переметной сумы мешочек и протянул его Алексею. В льняном мешочке оказались сухари. Алексей достал один, впился жадно, разжевал. Дохнуло ржаным духом.

– Сами-то мы пронские, о басурманах слышали, на помощь Рязани пошли. Да поздно уже, пожарище застали. Боярин Коловрат под свой прапор собрал тех, кто уцелел, в погоню двинул, – сказал Брячислав.

У Алексея рот был набит, и ответить он не мог. Колонна у Евпатия хоть и внушительная, да не более двух тысяч ратников. А у Батыя – два тумена, двадцать тысяч сабель, силы несоизмеримые. Но пока прожевал, раздумал что-либо говорить. Евпатий – служилый боярин, сам знает, на что идет, как и его люди. С этим осознанием и уважение к рязанцам возросло, ведь Пронск – городок из земель рязанских.

Боярин местность явно знал и, еще не доезжая до Коломны, выслал вперед дозор из двух человек.

Колонна ратников остановилась на отдых. Воины навесили на морды лошадям торбы с овсом и сами принялись перекусывать.

Брянчислав поделился с Алексеем куском хлеба и салом. Съели быстро. Теперь бы погреться у костра, да разводиться нельзя, моголы приметить могут.

Через час вернулся дозор, и воины доложили Евпатию, что опоздали они. Войско Владимирское разбито, моголы пировать сели.

Меж тем солнце к закату уже клонилось. В голом поле ночевать неуместно, да и басурмане празднуют победу, нападения не ожидают.

И Евпатий решил напасть. Знал ли он о превосходящих силах врага? Не доподлинно, но предполагал, по пути к Коломне встречал людей из маленьких городков, избежавших разбоя, откупившихся данью и тем спасшихся. Но не усомнился Коловрат: захватчики должны быть наказаны, даже если полягут все рязанцы. И потому он обратился к воинам с краткой речью:

– Братья! Враг перед нами, многократно превосходящий. Простим ли ему смерть детей малых, стариков и женок? Уйдем ли восвояси и покроем себя позором или бой смертный дадим?

– Веди нас, Евпатий! Постоим за родную землю! – вскричали воины.

– На конь! Ударим дружно! С нами Бог!

Воины вскочили на коней, и колонна начала разбег. Снега было еще немного, но земля замерзла и звенела под копытами лошадей.

А уж впереди костры видны, вокруг них моголы расположились. Раненных в битве коней дорезали и теперь в больших котлах конину варят. Дерзкого удара в тыл никто из них не ожидал, и потому моголы вскочили, поднялась паника.

Пешим могол биться не любил и не привык, а после битвы коней от войска уже отвели.

Кони могольские к переходам привычные. Низкорослые, мохнатые, они сроду не подковывались, сена не знали, пропитание себе добывали сами – копытами из-под снега.

Налетели воины Евпатия, и пошла жестокая сеча.

Первую сотню басурман русские ратники вырубали быстро, да остальные моголы сумели организовать, за луки схватились. Но русские с криком «Славься!» рубили и давили.

Подоспела дежурная сотня моголов, рубка на равных пошла – жестокая и беспощадная. Моголы после битвы с владимирским войском подустали, да и растерянность свою роль сыграла.

На первых порах рязанцы верх одерживали, глубоко они вклинились в лагерь супостатов. Было бы их побольше, до шатра самого Субэдея добрались бы.

Но уже несколько сотен моголов коней оседлали и по своему обыкновению с визгом в атаку кинулись.

Завязли рязанцы в месиве людей и коней. Направо и налево рубят, мертвые падают, но на их место живые моголы встают.

Некоторое время Алексей рядом с Брянчиславом дрался, но потом его в сторону оттеснили.

Могольские щиты удар меча не держали и разлетались в щепы. Но чужих воинов было слишком много: снесешь мечом одного, а справа или слева возникает другой.

Боковым зрением Алексей видел, что рязанских ратников становилось все меньше и меньше. Лошади уже ступали по трупам, потому что вся земля была устлана ими. Алексей остро пожалел, что на нем нет кольчуги, а в руке – щита. Пару скользящих сабельных ударов он уже пропустил, армяк был рассечен на спине и слева, и оттуда поддувало.

Пал рязанский знаменщик, не видно прапора боярского, как и самого боярина. Он был слишком замечен в своем золоченом шлеме, и моголы бросили против него самых опытных

воинов. Слишком тесно было на поле боя, временами могольская и русская лошади толкались боками, бились копытами – даже кусали друг друга.

Алексей был на голову выше рязанцев, не говоря уже о моголах, и был замечен в бою. Никто из врагов не мог устоять против него больше минуты. Меч Алексея описывал сверкающие полукружья, как мельница крыльями на ветру. Только каждый такой полукруг прибавлял моголам потери – отсеченную руку или голову.

Моголы старались держаться на недостижимой для меча дистанции, но долго так продолжаться не могло. Лук в такой толчее применить было нельзя, и моголы нашли другой способ.

Один из могольских воинов зашел сзади, что было совсем не сложно, и, выждав момент, набросил Алексею на шею волосяной аркан. Обычно могол сразу пускал своего коня в галоп, стаскивая чужого всадника на землю. А в толчее как пришпорить коня? И могол стал тянуть за аркан.

Когда шею захлестнула жесткая петля, Алексей попробовал перерубить ее мечом. Но аркан набросили сзади, и точно ударить не получалось. Алексей задевал его лезвием, но перерезать не удавалось. Не зря могольские всадники носили длинные волосы, связанные на затылке в пучок, и перерубить их было не легче, чем толстую жердь. Алексей быстро это понял и выпустил меч из руки.

Аркан стягивал его шею все сильнее и сильнее, воздуха не хватало, счет шел уже на секунды.

Обеими руками он ухватился за петлю, напряг мышцы, и – о, чудо! – ему удалось ослабить хватку. Еще одно усилие – и аркан удастся снять.

Но тут на него набросились с двух сторон, ухватили за ноги и стащили с коня. Эх, седла не было и стремян, опереться не на что.

Алексей упал, моголы навалились по два человека на каждую руку и ногу, шустро связали тонкими кожаными ремешками. Потом с трудом подняли, перебросили поперек лошади. Гомонили радостно, руками размахивали. Ухватив, повели под уздцы лошадь.

Внизу, совсем рядом, мелькали трупы моголов и рязанцев.

Алексей зубами скрипел от злости. Вот влип! А ведь о жестокости моголов к пленным наслышан был. Быть сваренным в котле живьем или оказаться с содранной кожей – еще не самое худшее.

Недалеко от юрты какого-то мурзы его сбросили с лошади. Снег смягчил падение. Рядом лежали еще несколько рязанцев.

Бой постепенно стих. Уже не слышно было криков ярости и боли, звона оружия, ржания лошадей.

Алексей слегка повернул голову вправо, влево: полторы дюжины пленных, восемнадцать человек от двух тысяч! Но каждый из погибших воинов Коловрата забрал с собой одну, две, три жизни могольские – кому как повезло.

Алексей усмехнулся: если так будет воевать каждый город или княжество, силы могольские истают быстро. Помощь из Каракорума если и придет, не раньше чем через два года, слишком далеко столица империи.

Моголы собрали трофеи – оружие, щиты, шлемы и кольчуги убитых, обобрали мертвых, сняв с них цепочки, перстни, кольца. Проще говоря – мародерствовали. Потом продолжили пир и лишь далеко за полночь уgomонились, улеглись спать прямо на снегу, постелив конские потники, вокруг каждого костра – десяток.

Пленники лежали на снегу. Перед боем ратники поснимали с себя тулупы и кожанухи – в бою такая одежда только движения стесняет. А сейчас холодно стало. Поверх исподнего – только поддоспешник, на нем – кольчуга. Железо промерзло, и людей бил озноб.

На Алексее кольчуги не было, а шлем сорвали с головы, когда стащили с лошади. Но у него сильно мерзли ноги, кроссовки – обувка летняя.

Моголам было глубоко плевать, замерзнут пленные русские воины или нет, поскольку участь их все равно была предрешена, всех их должны были казнить утром.

Когда начало всходить солнце, Алексей понял, что истекают последние часы жизни. В таком безвыходном положении он был первый раз. Были бы свободны руки – можно было бы воспользоваться артефактами. Но увы...

Вдали виднелась Коломна, город старый и хорошо укрепленный. отсиделись вчера горожане. Нет чтобы ударить на моголов, глядишь – чувствительные потери моголам совместно нанесли бы. Неужели думают и дальше отсидеться? Нет, моголы мимо не пройдут, не за тем они на Русь шли – за трофеями.

Раздался рев трубы, ударили барабаны.

К пленным подскочили моголы, подняли их на ноги. От холода и усталости некоторые пленные воины стояли с трудом, ноги их не держали. Русские воины сгрудились в плотную кучку, каждый понимал: это – конец службы, конец жизни. Каждый из них испытывал страх, но воины старались не показывать свои чувства перед врагом. Никто не упал на колени, не попросил пощады.

Из шатра вышли несколько моголов в теплых, богато расшитых халатах, в войлочных шапках, в красных ичигах с загнутыми носами. Судя по тому, как угодливо прогибались перед ними десятичники и сотники – не иначе как мурзы и нойоны.

Но Алексей, как и рязанцы, ошибался: перед ними были сам Батый и Субэдей.

Немного за спинами и сбоку встал толмач.

– Где ваш воевода? – спросил Субэдей, и толмач тут же перевел.

Говорил толмач по-русски хорошо, но с типичным для азиатов акцентом.

– Пал на поле боя, как и подобает богатырю, – вскинув подбородок, ответил один из рязанцев.

– Найдите мне его, – кивнул Батый.

Пленники стояли на месте, а рядовые моголы кинулись на поиски, воеводу от рядового воина всегда можно было отличить по украшенным ножнам меча, по шлему, по шерстяному плащу.

Долго искали воеводу под грудями тел, но все же нашли.

Коловрат был человеком крупным, и к шатру его тело несли шестеро моголов. Труп окоченел, и могольские воины с трудом разжали его руку с зажатым в ней мечом.

Батый приблизился, всмотрелся в лицо русского воина:

– Так вот какой, воевода Коловрат! Лицо твое запомнить хочу. Настоящий герой!

Батый помолчал. Тишина стояла над могольским лагерем, никто не смел слова вымолвить.

– Если бы ты служил у меня, держал бы я тебя у самого сердца своего, – сказал Батый.

Сказанное было неожиданным для всех – и для моголов, и для рязанцев.

Хан уже собрался уходить и, повернувшись к шатру, бросил несколько слов. Толмач тут же громко перевел:

– Великий хан, да продлятся годы его, отдает дань мужеству воеводы и его воинов. Пленные могут быть свободны, и никто не вправе их обидеть. Тело воеводы заберите для достойного упокоения по вашим обычаям.

Слова его были подобны грому среди ясного неба. Пленные ожидали позорной смерти – не в бою, от руки врага, а от топора палача. И вдруг их отпускают, и тело воеводы разрешают забрать! Воистину – неисповедимы пути Господни, не иначе вразумил он хана, хоть и язычник тот.

К пленным подбежали моголы, срезали кожаные путы на руках и ногах. Один привел лошадь, запряженную в сани. Лошадка была не мохнатая монгольская – русская.

В сани был брошен трофейный ковер, и моголы сами уложили на него тело погибшего воеводы.

– Якши! Ехать! – и руками замахали.

Пленникам и радостно было, что жизнь им сохранили, и тревожно. До разоренной Рязани путь далекий, а у них ни оружия, ни припасов съестных на дорогу.

Двоих рязанцев, ослабевших от ран, на сани посадили – за ездовых. Другие за санями двинулись едва-едва, закованных на морозе. Впереди саней могол на коне едет, дорогу расчищает. Нечасто так бывает, чтобы павшего противника с почестями отпускали.

Многие моголы сами хотели посмотреть на Коловрата. Они выехали за лагерь, пересекли по льду Оку и поднялись на берег.

Рязанцы, как по команде, обернулись. У кого шапки или шлемы оставались на голове, сняли. Много наших воинов сгнуло под Коломной, да не даром они жизнь свою отдали. Моголов полегло много больше.

До разрушенной Рязани добирались долго, восемь дней. В деревнях, куда моголы не добрались, где каравай хлеба им давали, где кашей угощали. Спать на ночевки набивались в избенки, располагались на полу и этому были рады. После ночи, проведенной на снегу, почти все обморозились, кожа покрылась струпьями, однако же до родного города Евпатия они добрались десятого января.

Уцелевшие жители вернулись в полусожженный и разрушенный город.

Боярина похоронили на следующий день рядом с единственным уцелевшим собором. Пышно, по чину боярскому, похоронить не получилось, гроб простой еле успели сладить. А надо было бы как подобает, каким в памяти людской остался.

На следующий день после ухода рязанцев часть моголов осталась штурмовать Коломну, другая двинулась на Москву. Двадцатого января, после шестидневной осады, город пал.

После разграбления Москвы Батый двинулся на Владимир. Город смог продержаться в осаде восемь дней, погибли многие жители и вся семья князя.

После взятия Торжка пятого марта Батый повернул на юг. Войску требовался отдых и пополнение, впереди – распутица.

Хан вернулся в низовья Волги и обосновал там свою столицу – город Сарай, в 80 километрах севернее нынешней Астрахани.

Алексей решил в Рязани не задерживаться. Крепостные стены разрушены, населения почти нет, а уцелевшие горожане думают о том, как выжить, ведь моголы истребили все запасы. О том, чтобы сопротивляться, они даже и не помышляют. Что здесь делать воину?

А слухи с севера доходили один страшнее другого. Пали Москва, Владимир, Коломна. Оказав моголам яростное сопротивление и продержавшись семь недель и три дня, много дольше, чем более крупные города, почти целиком, вместе с жителями, уничтожен Козельск. Вот и оставался выбор невеликий – Псков, Новгород. Киев тоже был разрушен нукерами Мунке.

Алексей раздобыл себе одежку – зипун, сапоги короткие, саблей могольской опоясался. В лесах рядом с городом до сих пор валялись заметные снегом трупы, обглоданные хищниками, и ратное железо до весны не собирали: не до того было, выжить бы. Вот Алексей и воспользовался этим.

Путь предстоял неблизкий, пеший. Коней в городе и ближайших окрестностях не было, впрочем – как и денег у Алексея на его покупку.

Алексей поклонился могиле Коловрата и утром отправился в путь. В Рязани голодно и до сих пор гарью пахнет. А придет весна, потеплеет, засмердит трупами. Большую часть

погибших не схоронили, мерзлую землю долбить мужики нужны, а их в городе единицы остались.

Алексей отправился на северо-запад. Он очень опасался встретиться на дороге с войском Батыя – от конного разезда не убежать.

В деревнях и на хуторах его подкармливали селяне – молочком, толокняной похлебкой, хлебушка куском. Когда спрашивали, кто он и откуда, отшучивался.

Однако далеко ему уйти не удалось. Сначала на вершине небольшого холма показался конный разезд, а за ним – колонна взятых в плен людей.

Грунтовка уже растаяла под лучами солнца. Начало февраля, а грело, как в марте.

Разезд Алексея заметил. Двое всадников остались на месте, а трое ринулись к нему. Убегать по осевшему, ноздреватому снегу в поле – просто смешно, быстро догонят. А если не смогут догнать или поленятся – достанут из луков. Стреляли моголы точно и быстро, сызмальства учились сидеть в седле и стрелять из лука. В походе ухитрялись есть и спать на лошади, справлять малую нужду. С уставшей лошади на запасную пересаживались тоже на ходу. В случае необходимости моголы ухитрялись за световой день проходить по сотне километров, оказываясь там, где их не ждали.

Луком моголы овладевали с малых лет, когда получали малый лук. По мере взросления размеры лука росли, как и мастерство, и в подростковом возрасте они уже били птицу влет, сидя на скачущем коне.

Поэтому Алексей не строил иллюзий уйти, он просто стоял на дороге и ждал, экономя силы.

Моголы, подъезжая, разделились. Один ехал по самой дороге, двое – по целине, обочь дороги, беря таким образом Алексея в кольцо.

Алексей подсадовал. Перенос в другое время неудачным получался, все время он наталкивался на моголов. «Развелось басурманов на русской земле!» – пробормотал он, глядя на приближающихся моголов.

Первый остановился метрах в трех от Алексея, двое других объехали его на лошадях и встали за спиной. Встреча эта не сулила Алексею ничего хорошего.

Алексей решил не ждать, когда его попытаются обезоружить, и решил сам напасть первым. Моголы чувствовали себя хозяевами положения и могли бы его пропустить, если бы имелась пайцца. Это была своего рода охранный пластина с уйгурской надписью. Своей письменности моголы не имели и пользовались помощью писцов-уйгуров. Письменность эту в Европе и на Руси не знали, и потому защита от прочтения была полной.

Пайцца могла быть золотой, серебряной, медной, кожаной. Никто из моголов не смел чинить препятствия обладателю пайццы, наказание было скорым и жестоким – смертная казнь.

Кожаную пайццу могли иметь торговые люди, а золотую – послы и гонцы. Обладателя золотой пайццы обязаны были кормить и защищать по его просьбе.

Выгадывая время, Алексей вскинул руку:

– Пайцца! – и сделал движение рукой, как будто за пазуху полез.

Воин перед ним расслабился, Алексей выхватил саблю, прыгнул вперед и рубанул его по бедру в верхней трети. До шеи не дотянуться, а на груди под халатом кольчуга может быть.

Сделав это, он тут же крутанулся на месте и в три прыжка добрался до двух воинов – один уже успел саблю до половины из ножен вытянуть. Алексей ударил его по правой руке и отсек ее по локоть. Этот уже не боец!

И тут же нырнул под лошадь раненого могола, потому как сзади уже секунду назад вжикнула сабля, выдернутая из ножен, и должен был последовать удар по спине или плечу. И точно! Он уже был под лошадью, когда почувствовал треск распарываемой ткани своего зипуна на спине. Но боли он не почувствовал.

Могол, промахнувшись, закричал, подзывая на помощь дозорных.

Алексей вынырнул из-под лошади и резко дернул за ногу раненого могола, стаскивая его на землю. Он хоть и ранен, но опасен. Сколько бойцов уже погибло, оставляя за своей спиной раненого врага.

Доли секунды ему хватило, чтобы успеть взглянуть назад. Раненный в ногу могол был бледен и зажимал рукой рану на бедре, из которой обильно струилась кровь. Так, этого можно не бояться, сам скоро с лошади упадет.

Единственный оставшийся невредимым могол разворачивал коня, пытаясь объехать лошадь раненого и оттеснить Алексея в чистое поле. Допустить такого исхода было нельзя, в поле пеший против конного не устоит.

Алексей спрятался за круп лошади, и как только из-за него показалась морда коня могола, ударил ее сверху и сразу же отступил.

От боли раненое животное взвилось на дыбы, Алексей же снова сделал шаг вперед и ударил лошадь в брюхо. Конь рухнул, подогнув передние ноги, и могол вылетел из седла – вперед, через голову коня.

Пока он не очухался, не встал на ноги, Алексей подбежал к нему и рубанул по правому плечу, наискосок. Сабля вошла глубоко, хлынула кровь.

Краем глаза Алексей успел заметить, что дозорные, оставшиеся у колонны пленных, уже скачут во весь опор.

Алексей вскочил на лошадь, с которой сбросил раненого. От непривычного, тяжелого седока лошадь присела на задние ноги и повернула морду, пытаясь укусить Алексея. Но он от души врезал ей кулаком и дернул за удила. Лошадь урок усвоила сразу же и пустилась вскачь. Малорослая, вес Алексея был для нее избыточен, и разгонялась она тяжело. Ноги его без малого до земли не доставали, седло было неудобное, рассчитанное на всадника-маломерку. Но лошадь сейчас была для него единственным шансом спастись.

Алексей время от времени оглядывался – дистанция между ним и преследователями сокращалась. Один из моголов сдернул с плеча лук. Был бы у Алексея щит – забросил бы он его себе за спину, все защита от стрел.

Между ним и моголами было уже метров сто пятьдесят – дистанция эффективного огня из могольского лука.

И стрела не заставила себя ждать, со звоном ударила по краю шлема и ушла в сторону.

Дорога начала извиваться между невысокими холмами. Алексей воспрял духом – холмы прикрывали его от стрельбы. И, может быть, он и ушел бы, да лошадь подвела. Неподкованными копытами она ступила на край наста. Днем снег подтаивал, а ночью замерзал, образуя наледь, и лошадь, поскользнувшись на нем, грохнулась на бок.

Удар был сильный, аж дыхание перехватило.

Лошадь еще долго встать не могла, повредив ноги. Алексей же не мог выбраться из-под нее, потому что тяжестью лошади ему придавило ногу.

Когда лошадь с трудом поднялась, Алексей вскочил. Однако моголы были уже рядом, стояли, скаля зубы. Один потянул у лука тетиву и уже держал стрелу, готовый пустить ее – на таком расстоянии не промахнется.

Алексей расстегнул пояс с саблём в ножнах и бросил себе под ноги – других вариантов остаться в живых не было. Из плена бежать можно, а с того света – никак.

Один из моголов прыгнул с лошади и связал руки Алексея, пока второй держал его под прицелом. Потом могол опоясался поясом Алексея с саблей. Второй уложил лук в саадак, прыгнул с лошади, и оба принялись бить пленника. Дубасили, пока не устали, вымещая злость за убитых соплеменников.

Алексей терпел как мог, уворачивал лицо, но не за косметические дефекты в виде синяков он боялся, опасался, что зубы выбьют или глаз повредят. Зипун смягчал удары, но Алексей вскрикивал – пусть моголы самолюбие потешат.

Устав от работы кулаками, они привязали Алексея веревкой к дереву, взгромоздились в седла и стали грызть вяленую конину, поджидая конвой с пленными.

Колонна полоняников подошла не скоро. Попавшие в рабство были людьми молодыми – от подростков и лет до сорока. В выигрышном положении оказались те, кто имел обувь, но у большинства босые ноги были красными от холода и сбитыми в кровь. У пленных были связаны руки, и все они были связаны одной веревкой. За пленниками шел обоз с трофеями.

Алексея привязали к общей веревке в конце колонны.

После полудня колонну остановили – лошадям требовался отдых. Люди попадали на обочину дороги, в снег, грязь. Кормить их никто не думал.

Сами моголы достали из одной телеги обоза сухари, сушеную рыбу и уселись есть.

Моголов было с десяток, и если бы все пленники набросились разом, их можно было бы убить и разбежаться. Но руки были связаны, и при попытке растянуть кожаный ремешок он лишь туже затягивался. А кроме того, мужчины смирились со своей участью.

Алексей на привале рассмотрел пленников – уставшие лица, потухшие глаза. Никто не помышляет о сопротивлении, о бегстве, не убили – и ладно. Алексей понял, что единомышленников он не найдет. А одному одолеть десяток вооруженных моголов нереально, так только в голливудских фильмах бывает.

Дальше они шли до вечера. Алексей заметил, что моголы ведут их в стороне от пути, по которому Орда шла на север, в набег. А колонна пленных постепенно уходила на юго-восток.

К ночи остановились на ночевку. Пленникам дали по сухарю и кувшин воды на всех. Сами моголы развели костер и стали варить похлебку. Коней отпустили пастись.

Солнце село, стало холодать. Пленники прижались друг к другу – так было теплее.

По прикидкам Алексея колонна вместе с ним прошла километров двадцать. Он был здоров и силен, и то к ночевке устал. А что же тогда говорить об остальных пленниках, которые шли не один день и ели скудно? Из тихих разговоров Алексей понял, что пленники из Коломны и путь проделали большой.

Утром моголы пинками и ударами плеток подняли пленных. Ни еды, ни воды им не дали, хотя сами поели.

Полоняников погнали дальше. Судя по положению солнца и направлению движения, их гнали к Булгару. Опять Булгар, куда Алексей уже шел однажды с войсками боярина Федора Пестрого, правда – это случится только через двести лет. Странно жизнь устроена, Алексей шел туда, где был два века назад, в будущем.

Он еще не знал, что после разгрома болгарских войск Субэдеем в город вошли воины тумена Шейбани, брата Батыя. Они истребили и угнали в плен большую часть населения Булгара. В этом городе сходились торговые пути из Руси, Средней Азии, Кавказа, Северных земель и Византии. В Булгаре выделявали лучшие кожи, трудились кузнецы, ювелиры, косторезы, каменщики, стеклодувы. После покорения Булгара многие ремесла были утрачены на многие десятилетия.

Шли до Булгара долго, месяц. С каждым днем становилось теплее – шли на юг, да и конец февраля в этих широтах, как апрель в Подмосковье.

Пленников завели на обширный двор, огороженный глиняным забором, сняли путы с рук и общую веревку. Полоняники попадали с ног: длительный переход и скудная пища отобрали у них все силы, старики и дети такой переход не выдержали бы.

Пленников во дворе было много, не одна сотня. Некоторые находились тут давно, месяц, а то и два. Как узнал от них Алексей, здесь пленные размещались временно, отсюда их выводили на невольничий рынок. А дальше – кому как повезет.

Воды в лагере невольников было вдосталь, рядом протекал небольшой ручей. Кормили их лепешками и сушеными фруктами, скорее всего – отобранными у местных жителей.

В загоне или лагере – Алексей не мог подобрать правильного слова – не было даже легкого навеса для укрытия от солнца или дождя, условия были просто скотские. Впрочем, моголы не считали пленников людьми, равными себе, живой товар, не более.

Пленники были из многих земель – славяне, половцы, венгры, армяне. Держаться они старались кучно, землячествами. И не потому, что враждовали друг с другом – все были в равном положении, а из-за языка, соплеменники могли хотя бы поговорить друг с другом. Достоверных сведений о местоположении никто не имел, все пользовались слухами.

Утром заявили несколько моголов, ткнули пальцами – ты, ты и ты. Отобрали десятка три молодых мужчин и десяток женщин. Женщины стоили дешевле, поскольку тяжелые работы выполнять не могли, а среди мужчин ценились знавшие ремесла.

Алексей в число выбранных в первый день не попал. Он прохаживался неподалеку от ворот и, когда они отворялись, старался разглядеть: что снаружи? Но понял только, что лагерь пленных был не в городе, а рядом с ним, поскольку удалось разглядеть крепостные стены, разрушенные в одном месте при штурме Булгара. Стало быть, Волга, или Итиль, как ее называли моголы, была недалеко. Мысль мелькнула – сбежать ночью, добраться до реки и переправиться вплавь на другой берег. Моголы – дети степей, плавать не умеют, флота своего не имеют, и есть шанс уйти.

Однако на ночь моголы выставляли усиленную охрану, а после разговоров со «старожилами» Алексей от задумки и вовсе отказался. Без продуктов, без знания местности, без пайцзы – не уйти. Степь постоянно контролировалась конными разъездами, путник был виден издалека. Догонят и зарубят, внешность и одежда сразу выдадут пленного.

Кроме того, по всей степи были разбросаны юрты скотоводов. Как только отара овец или табун лошадей объедали участок степи, их перегоняли на другое место. Скотоводы тоже перемещались, этикие мигрирующие дозоры. И беглых пленных они тоже ловили, сами с ними расправлялись или сдавали конным воинским разъездам. Если пленный имел в ухе кольцо с именем хозяина, его возвращали, но чаще убивали на месте. В общем, надежды на побег быстро улетучились.

Однако надежду на возвращение Алексей не терял. Дважды ночью, когда никто не видел, он тер амулет, доставая его из мешочка. Но толку не было, и почему, он понять не мог.

У многих пленных висели на шее различные предметы. У православных – крестики, у язычников – амулеты, обереги. Татары их не трогали, верили: возьмешь чужой оберег – накличешь беду. Да и что в обереге ценного? Его ведь даже не продашь.

И единственное объяснение, которое пришло Алексею в голову, – он не исполнил предназначенного ему судьбой. Камень или связанные с ним высшие силы оберегали его от гибели – в том же бою с Евпатием Коловратом при Коломне, при пленении моголами на дороге. Стало быть, надо пройти испытания до конца.

На третий день могол, маленький, кривоногий, почти как все степняки, с вислыми усами, ткнул пальцем в Алексея:

– Ты.

И Алексей отошел к воротам, к группе других несчастных. За время пути он похудел, лицо и руки загорели, обветрились, но все равно он выделялся среди других ростом и статью.

Невольничий рынок был рядом с городскими стенами. Пленников выстроили на помосте. Толмач обошел ряд невольников, расспрашивая, кто какими ремеслами владеет. Посмотрел на Алексея.

– Воин?

Алексей кивнул.

– Плохо. Если купят, то для тяжелых работ. Воинов у нас своих хватает. Цены хорошей за тебя не дадут, – и прошел мимо.

Первым купили кузнеца из Торжка, потом молодую девушку. Купцы, из богатых моголов, сначала расспрашивали толмача – что может пленник? Потом осматривали будущую покупку, как лошадь, заглядывали в рот, заставляли раздеться – нет ли дефектов? Потом торговались яростно, а договорившись, уводили с собой на веревке.

Третьим, к удивлению толмача, купили Алексея. Подошел толстый могол в шелковом халате, мягких ичигах, с кривым кинжалом на поясе, прошелся вдоль ряда невольников, остановился напротив Алексея и сказал что-то.

– Раздевайся! – перевел толмач.

Алексей снял одежды. Стоять голым было неудобно, но толстяк уже кивнул:

– Якши!

Он не торговался, заплатил сразу, и могол-продавец согнулся в поклоне.

Пока Алексей одевался, стоявший в ряду невольников славянин сказал:

– К Неврюю ты попал, брат, это его тиун.

Кто такой Неврюй, Алексей не знал. Он помнил из истории имена ханов, да и то не всех.

Неврюй же оказался нойоном, начальником тумена. Он был из старых воинов, начавших при Чингисхане, не из знатного рода, пробившийся наверх благодаря своей смелости и умению на поле боя. Замечен был, поднимался постепенно – сначала десятником, потом сотником. Мурзой жалован был, что соответствовало русскому боярину.

Жил Неврюй, как и многие военачальники, не в городе, а по старой привычке – в степи, в юрте. Вокруг нее вырос город из юрт, где жили жены, дети, знатные воины. Рабы выращивали вокруг огороды, пасли скот. Неврюю все напоминало родину, и менять привычки он не собирался.

К стану Неврюя толстяк ехал на арбе. Алексей шел следом, привязанный веревкой. Толстяк не торопился – зачем? Жизнь и так удалась. При Неврюе он поднялся из простых пастухов. В боях не участвовал, но был рачителен, хозяйское добро берег, умел считать, что было редкостью, и хозяин его ценил. Тем более что был он с Неврюем из одного племени, которое бродило в степи на границе Монголии и Китая.

К стану Неврюя подъехали далеко за полдень. Толстяк остановил арбу недалеко от юрты, крытой белым войлоком. Отвязав веревку от арбы, толстяк подвел Алексея ко входу, у которого стояли два телохранителя – оба в серых шароварах, на голый торс надеты жилетки, на головах – тибетейки. Но что Алексея удивило – совсем не восточной внешности, скорее – европейской. Глаза не раскосые, лица не скуластые, волосы светлые – неужели наемники? Ведь у моголов хватало своих воинов – свирепых и кровожадных, зачем им наемники?

Толстяк зашел в юрту и вскоре вышел из нее, пятась. Следом за ним вышел воин в богатых одеждах. Был он без оружия, но по левой щеке тянулся старый шрам от сабельного удара.

Толстяк дернул Алексея за веревку:

– Поклонись, урус, нойону, если не хочешь голову потерять! – прошипел он.

Алексей поклонился – голова дороже. Так вот он какой, нойон Неврюй!

Мурза милостиво кивнул и удалился.

Толстяк рукавом отер вспотевшее лицо, улыбнулся:

– Мурза – да пусть продлятся его годы – одобрил покупку. Служи мурзе честно, и он не забудет оделить тебя милостью.

Ха, не забудет! Да у мурзы таких рабов не одна тысяча, небось. Для славянина почти все моголы на одно лицо – так же и мы для них.

Толстяк развязал веревку.

– Можешь называть меня Кутлуг. Я заведую всем хозяйством досточтимого Неврюя, рабами распоряжаюсь тоже я. Идем к кузнецу.

Алексей еще удивился про себя: ему подковы не нужны, что у кузнеца делать?

Кузнец был тоже раб.

– Давай левое ухо. – Кузнец взял клещи.

Острая боль – и Алексей ощутил в ухе непривычное инородное тело. Пощупал пальцами – медное кольцо. Черт! Как лошадь заклеямили, или барана. Но выхода уже не было.

Кутлуг тем временем поторопил его:

– Идем, покажу тебе твое место и объясню обязанности.

По-русски Кутлуг говорил плохо, но понять его можно было. Как в дальнейшем узнал Алексей, Кутлуг мог изъясняться на многих языках – русском, татарском, армянском и даже греческом, что совсем уж было удивительным. Оказалось, он ездил иногда в Крым, к генуэзским купцам, продавал и покупал рабов.

– Спать будешь здесь! – привел его Кутлуг в сарай с глиняными стенами и крышей из тростника. – Кормить будут утром и вечером. Работать будешь водоносом. Эй, Арам! – это Кутлуг бросил седовласому армянину. – Покажи новому водоносу, где брать воду и куда носить. Да пошевеливайся, старая развалина!

Развернувшись, Кутлуг ушел.

– Как звать тебя, новичок?

– Алексей.

– Из русских, – утвердительно сказал Арам.

– Угадал.

– Дело нехитрое, ты светловолос и сероглаз. И Кутлуг с тобой по-русски говорил. Бери кувшин, он в углу стоит.

Кувшин оказался глиняным, с двумя ручками и довольно большим. Алексей прикинул – литров на двадцать пять – тридцать. Он поднял его и поставил на плечо. И тяжел! Даже пустой килограммов семь-восемь весит.

– Идем, только не торопись.

Причину этой просьбы Алексей понял сразу – Арам заметно прихрамывал.

Так они дошли до ручья, который был метрах в трехстах.

– Воду будешь брать здесь и носить ее к юртам для приготовления пищи. Скот на водопой гоняют ниже по течению. И не вздумай прохладиться! Жены воинов нажалуются, что ты плохо работаешь, что воды не хватает, и ты отведаешь кнута. Поверь, это очень больно.

– Исккупаться-то можно?

– Окунись, а то смердит от тебя, как от старого козла.

Алексей быстро разделся донага и вошел в ручей.

Дно ручья было плотное, глинистое, вода уже прогрелась солнцем, но бодрила. Ручей мелкий, максимум по пояс, вода чистая: видно было, как шарахнулась в сторону стайка мелких рыбешек.

Алексей окунулся с головой, и от волос его расплылось облачко грязи. Зачерпнув прибрежного песка, он потерся им и смыл его с себя.

– Ух, хорошо!

Выбравшись на берег, оделся. Еще бы одежду постирать надо, но это уже чуть попозже.

– Идем. – Арам припадал на левую ногу и шел медленно.

Они добрались до становища.

– С центра начинай. Там юрта тысячника, у него жена вредная, все время ругается.

Подошли к юрте, и Арам крикнул:

– А вот вода! Свежая вода!

Из-за юрты вышла служанка, кивнула:

– Иди за мной.

За юртой было нечто вроде хозяйственного двора. Висел на треноге большой котел, горкой лежал кизяк, несколько поленьев. Немного дальше – деревянное корыто.

– Лей в котел и неси еще!

Алексей вылил воду в котел, наполнив его лишь наполовину, и снова отправился в поход к ручью.

– Сколько раз за день я должен сходить к ручью? И покажи мне юрты, куда я должен принести воду, – обратился он к Араму.

– Все юрты, которые ты видишь. Иногда требуют два-три кувшина, иногда обходятся одним. С утра до вечера прежний водонос делал четыре десятка ходок.

– А куда он делся?

Арам покачал головой:

– Кнутом забили. Не выдержал двадцати ударов. Потом выволокли в степь и бросили на съедение шакалам.

В становище Неврюя проживали его жены и дети, обслуга из моголов и рабов, а также сотники его тумена с домочадцами. Военачальники жили вместе, так проще было исполнить любой внезапно поступивший приказ. И в бой вместе с нукерами они не ходили, руководили со стороны, отдавая приказы черными и белыми флагами, а сигнал к атаке – барабанной дробью.

На Руси степняков принято было называть монголами, сами же они величали свою империю Великой Моголией. В армии служили воины из разных племен, в каждой десятке – воины только одного племени или рода. А сотни и тысячи обязательно формировались разноплеменные, для преодоления разобщенности и воспитания боевого братства. Служили и другие народы – корейцы, кидани, чжурчжэни, тибетцы. Привлекались и покоренные народы. Так, стенобитные, камнемётные орудия обслуживали пленные под руководством китайцев.

И только значительно позже, когда империя разделилась на улусы и Орды – Золотую, Белую, Синюю, моголы стали привлекать наемников и союзников – ногайцев, татар.

Строилась армия по десятичной системе – десяток, сотня, тысяча, десять тысяч, или тумен. Все это Алексей частично знал из истории, а теперь воочию увидел сам.

Глава 2. Водонос

Когда день уже заканчивался и Алексей с Арамом шли в сарай, старый армянин посоветовал:

– Учи могольский язык. Не везде будет толмач, а воины и их жены не могут повторять приказания дважды.

Алексей советы раба не пропускал мимо ушей, прислушался и к этому. Он уже неплохо знал латинский и греческий, на котором общался в Византии. Но могольский язык сильно отличался от них и даже не был однородным, у каждого племени – свой диалект.

После скудного ужина несколькими словами его научил Арам. Старый раб провел в плену несколько лет, хорошо понимал моголов и сам говорил на могольском языке. Алексей взял себе за правило каждый день заучивать десяток слов. Язык был простой, но сочетания согласных звуков больно уж труднопроизносимые.

– На женщин их не смотри. Лучше всего голову опусти и глаз от земли не отрывай, – напутствовал его Арам.

Так началась для Алексея его трудовая деятельность в качестве раба-водоноса. За белым рабом бегали могольские мальчишки, показывали на него пальцем и смеялись, иногда швыряли в него камни. Но Алексей собрал все свое терпение, напустил на себя безразличный вид, и ребячьи вскрики отстали.

День шел за днем, и Алексей уже начал различать воинов и их жен, хотя раньше они все были для него на одно лицо. По вечерам он учил могольский язык, хотя временами уставал очень сильно и было одно-единственное желание – спать. Хотелось забиться куда-нибудь, уйти от тяжелой и унижительной действительности.

Через два месяца упорной учебы он стал понимать, о чем говорят при нем моголы. Сам говорить на их языке еще не пробовал, не хотел показывать монгольским воинам знание их языка. Упорно повторял вслед за Арамом слова и целые фразы. И если сначала понимал общий смысл речи, то потом стал понимать весь диалог целиком. Но то, что он начал понимать могольский язык, не показывал, был неразговорчив, просто кивал и выполнял порученное. По роду своей повинности бывал почти у всех юрт, правда – общался только со служанками; иногда видел жен военачальников, но сразу вспоминал совет старого Арама, опускал глаза и проходил мимо.

Однажды он увидел удивительную картину: на площадке перед одной из юрт был разостлан ковер, и на нем, как на подушках, восседал сотник Оюн. Перед ним стоял низкий столик резного дерева, на котором стояли шахматы. Игра древняя, индийская, но как она попала к моголам? К тому же Алексей сильно сомневался в культурном уровне степняков. Эта игра требует ума, логики, аналитического мышления.

Алексей засмотрелся, споткнулся и едва успел подхватить кувшин – за разбитый кувшин обязательно последовало бы телесное наказание.

Оюн увидел оплошность Алексея и засмеялся. Но вышло так, что он запомнил неловкость белого раба.

Неделю сотника не было видно, а потом он снова сел играть в шахматы перед юртой. И оба раза – один, тренируясь.

Когда Алексей поравнялся с юртой, сотник поманил его пальцем. Ослушаться военачальника было нельзя, и Алексей подошел.

– Знаешь, что это такое? – Сотник показал пальцем на шахматную доску.

Алексей кивнул. В бытность свою фельдъегерем в Питере он частенько сживал за шахматами. Разряда, правда, не имел, но шахматные книги почитывал.

– Я хочу сыграть с тобой! – заявил сотник.

– Это невозможно, господин! Я должен носить воду, иначе меня накажут.

– Нет ничего проще!

Оюн позвонил в колокольчик, и выбежавший из-за юрты раб согнулся в поклоне. Обличьем он напоминал кавказца – сухопарый, носатый, весь заросший волосами.

– Бери еще одного мужчину, вон тот кувшин, и пока мы играем, будете носить воду. А будете лениться – сам плетью отхожу.

Раб поклонился, убежал за юрту и вернулся вместе с другим рабом. Ухватив кувшин за ручки, они бросились бежать к ручью.

Алексей забеспокоился: не разбили бы кувшин, спросят ведь с него!

Он встал против доски. Вид шахматных фигурок, вырезанных из кости, был для него непривычен, и опознал он их лишь по расстановке на доске.

Степняки играть любили во все игры, особенно в кости. Были они азартны, легко увлекались, порой проигрывая все свое имущество, а то и походные юрты. Но кости – удел простых нукеров.

Оюн сделал ход первым. Алексей ответил пешкой «e2-e4», ход классический.

Первые ходы он делал механически и быстро, но потом стал задумываться – не над игрой, нет. Судя по игре, сотник был шахматистом неважным, и Алексей размышлял: поддаться и проиграть или выиграть? Оба варианта чреватые: ведь он раб, и Оюн при любом исходе мог осерчать. Убить Алексея он не мог – чужая собственность, тем более, нойона Неврюя. Но побить – запросто, а то и нажаловаться Кутлугу, выдумав несуществующую провинность. Поверят, конечно, сотнику. И Алексей решил свести игру к ничьей, так Оюну не будет обидно. Именно так и случилось.

Но сотник подвох заподозрил, вскочил с подушек:

– Ты специально так играл?

– Но ведь это всего лишь игра, господин. Так легли звезды, – пытался оправдаться Алексей.

– Мы повторим. Но ты должен играть в полную силу!

– Прости, достойный воин, но зачем?

– Играй! Даю слово, что я не накажу тебя.

Ну, коли так! Сам напрашивается... И Алексей за десяток ходов поставил сотнику мат.

– Не может быть! – вскричал тот, увидев свой проигрыш. – Так не бывает! Покажи руки!

Но шахматы – не кости, в руки не спрячешь. Все фигуры на доске, можно сосчитать.

Оюн в возбужденном состоянии вскочил и забегал по ковру:

– Давай еще!

Они уже стали играть новую партию, когда сзади раздалось деликатное покашливание.

Оба игрока повернули головы.

Рядом с ковром стоял Кутлуг. Он потел и вытирал лоб тряпицей.

– Досточтимый Оюн, да пусть твои стада будут тучны! Этот бездельник должен носить воду, а не прохлаждаться. Юрты наших воинов не должны испытывать нужды в воде.

– Знаю, – отмахнулся Оюн. – Но мои рабы вместо него носят воду, и семьи воинов не пострадают.

– Ну, если так... – Кутлуг недовольно засопел и отвернулся.

Алексей тихо сказал на латыни: «Что позволено Юпитеру, не позволено быку». Однако Кутлуг дернулся и резко повернулся к нему:

– Это ты сказал? – Он ткнул пальцем в Алексея.

– Он, – кивнул Оюн, – наверное, по-славянски. Дикая страна!

– Господин, он произнес это на латыни...

– Э, какая разница! Скоро весь мир будет лежать у наших ног, и все должны будут изучать наш язык, – махнул рукой сотник.

Вполне могло стать, что Оюн был неплохим воином, но как человек он был недалек, и Алексей уже пожалел, что произнес эту поговорку.

Кутлуг покачал головой и пошел своей дорогой.

Игра не заладилась, и Алексей два раза подряд проиграл. Оюн же встал из-за столика довольный.

– Завтра ты придешь сюда снова, а воду за тебя будут носить мои рабы, – заявил сотник.

Конечно, играть в шахматы лучше, чем носить воду, но Алексей опасался реакции толстяка. Не для того он покупал раба, чтобы сотник, коих в армии полно, играл с Алексеем в шахматы.

Вечером, после ужина, Арам подозвал к себе Алексея:

– Иди в юрту Кутлуга, он хочет тебя видеть. Ты что-то натворил?

– Нет.

– Ну, беги, Кутлуг ждать не любит.

Алексей шел быстрым шагом.

Толстяк сидел в своей юрте на овечьей кошме и ел жареную баранину, запивая ее кумысом и периодически вытирая пальцы засаленной тряпкой.

Алексей стоял молча, господин сам решит, когда говорить.

Толстяк насытился, рыгнул и сделал знак служанке унести угощение.

От запаха жареного мяса у Алексея слюнки потекли – как давно он не ел мяса!

– Знаешь ли ты, червь, что провинился?

– Да, мой повелитель!

Видимо, повелителем Кутлуга никто раньше не называл. Он приосанился и напустил на себя важный вид.

– Тебе велели таскать воду, а не прохлаждаться за игрой.

– Виноват, господин, но это славный воин Оюн заставил меня. Сам бы я не посмел.

– Ты умеешь играть в эту игру?

– Да, мой повелитель.

Алексей знал восточный менталитет – для степняков много лести не бывает.

Неожиданно толстяк перешел на латынь. Произношение было ужасным, так говорят припортовые пьяницы.

Алексей на вопросы отвечал учтиво, на хорошей латыни.

Толстяк покачал головой и перешел на греческий. Им Кутлуг владел лучше, чем латынью, но ненамного.

– Писать и читать можешь?

– Могу.

– Где язык выучил?

– В Византии наемником служил.

Кутлуг удивленно вытаращил глаза, лицо его покраснело, налилось кровью, и Алексей испугался – не хватит ли его апоплексический удар.

– Продавец рабов ничего мне не сказал о твоём знании языков, воин из славян – и все.

– А кто меня спрашивал?

– Верно.

Кутлуг задумался. Он покупал физически сильного воина, а оказалось, что купил грамотея. Воинов у империи полно, умных значительно меньше, а вот грамотных, умеющих писать и читать – едва ли сотня наберется в войске Батыя. Такой раб должен стоить значительно дороже обычного водоноса.

Кутлуг мысленно возвеличил себя, свою прозорливость. Надо как-то это подать Неврюю, выпатив свои деловые качества. Нойон был воином, но грамотой и языками не владел, а тут такая находка! У Неврюя было только двое грамотных – звездочет и Монгит-лекарь, которому и доверять нельзя. Надо выбрать удобный момент и сказать Неврюю. Глядишь, и самому что-то с этого перепадет, скажем – жирный баран или пышнотелая рабыня.

– Иди, – сказал он Алексею, – и о нашем с тобой разговоре никому не говори. Завтра или в другой день можешь играть с Оюном, если у сотника будет на то желание.

Алексей поклонился, попятился задом и вышел из юрты. Не сказал ли он чего лишнего о себе? Вроде нет.

Кутлуг же откинулся на подушки из верблюжьей шерсти.

Хитер и дальновиден Оюн. Мода на шахматы пришла недавно. Сначала стали играть при дворе хана, потом темники научились, мурзы. Только учителей толковых не было. А Оюн явно метит на повышение. Да не подвигами продвинулся, а общением за игрой с вышестоящими. Воистину хитер, как змея. Раб его играть научит, Оюн при Неврюе желанным гостем будет.

Такого сближения сотника Кутлуг не хотел, у него был другой любимец, Бадма. Тоже сотник, парень простой, зато, возвращаясь из каждого похода, трофеями с Кутлугом делится.

Вокруг становища Неврюя степь широкая раскинулась. Трава по пояс, зеленая, сочная, местами маки красным цветом полыхают. По степи отары овец, табуны лошадей бродят. Радуются сердца степняков: лето в разгаре, тепло.

Жизнь Алексея заметно облегчилась. С утра до полудня он разносил воду. Потом перед юртой появлялся Оюн, прислуга выносила ковер и шахматный столик. Рабы Оюна забирали кувшин и выполняли работу Алексея, он же садился играть с сотником в шахматы. Теории Оюна он пока не учил, сам знал поверхностно, но выигрышные начала, хитрые эндшпили показывал. Память у сотника была хорошей, и он все схватывал на лету. Периодически Алексей поддавался, и Оюн радовался выигрышу, как маленький ребенок – вскакивал и расхаживал по ковру, гордо вскинув голову. Однако он и в самом деле стал играть значительно лучше.

В конце июня Оюн даже пригласил к себе Хунбыша, сотника третьей сотни, и после обильного угощения предложил ему сыграть.

Хунбыш, опытный игрок и иногда имевший честь играть с самим Неврюем, согласился, но, чтобы было интереснее, предложил поставить на кон раба. Победитель мог выбрать себе как приз любого приглянувшегося невольника.

Сели играть. Ходы продумывали, игра затягивалась. Ожидания Хунбыша о быстром выигрыше улетучились, как дым. Главное было не в потерянном рабе – таких еще можно было купить или захватить в других землях при набеге. Весть о проигрыше одного из сотников разнесется по становищу мгновенно. Поражение не в бою, но неприятно, задевает самолюбие.

Хунбыш проиграл. Он вскочил, лицо его покраснело от злости:

– Давай еще раз!

– Э, нет, уговор был на одну партию.

Они пошли к юрте Хунбыша. Рабов полно, не меньше полусотни, мужчины и женщины.

Оюн выбрал себе раба – молодого, сильного, из славянских земель. Они выносливы, трудолюбивы, один недостаток – строптивы бывают. Ну да это лечится плетью или кнутом.

Хунбышу стало обидно и досадно: пришел к Оюну развлечься, а самолюбие пострадало. Через своего надсмотрщика за рабами он поручил узнать – кто обучил Оюна, а узнав имя раба, отправился к Кутлугу. Вокруг и около не ходил. Для приличия спросив о здоровье толстяка и его семьи, попросил продать ему Алексея.

– Вдвое больше дам, чем ты на невольничьем рынке его купил.

Кутлуг был хитер и дальновиден. Зачем сейчас продавать раба вдвое дороже, если потом можно продать его впятеро? А кроме того, на Алексея просто необходимо зарабатывать сейчас. Кто не дает ему сдавать такого умного раба в своеобразную аренду – на день, на полдня. Слухи разойдутся быстро, желающие поучиться играть найдутся. Рядовой нукер, у которого за душой ничего, кроме трех коней нет, не пойдет, неинтересно ему, и денег мало. А вот сотники, черби, как называли интендантов, юртчи-квартирмейстеры, да и сыны мурз, нойонов – те не откажутся. Шахматы были игрой знати, давали шанс ближе познакомиться с военачальниками, продвинуться.

Все это Кутлуг сообразил быстро, поняв, что перед ним золотая шкатулка. Как же он раньше не сообразил?

– Продать не могу, это имущество Неврюя, – с видимым сожалением на лице ответил он Хунбышу.

Сотник приуныл, но Кутлуг продолжил:

– Но я могу сдать его тебе на день или половину дня. Это ведь по Ясе, правда? И совсем недорого, за день – два тенге.

Кутлуг знал, что Хунбыш богат и страсти с сотника лишнюю монету совсем не зазорно.

По-восточному обычаю они начали торговаться, а какой же торг без горячих споров? Сошлись на одном тенге, но Кутлуг поставил условие – раба кормить и увечий не наносить.

Оба разошлись, довольные друг другом. Кутлуг купил Алексея за двадцать тенге и прикидывал, как ловко и быстро он «отобьет» вложенные деньги. Да еще и на пропитании сэкономить можно. От осознания выгодной сделки довольно потер руки. Ну, поставит он двух слабых рабов водоносами – так ведь и денег на их покупку было мало потрачено.

Каждый день Алексей по поручению Кутлуга стал ходить в юрту Хунбыша. Учить сотника он начал с азов, постепенно усложняя уроки.

Сотник к учебе отнесся серьезно и начал делать успехи. Через месяц Хунбыш обыграл Оюна и на радостях устроил для близких небольшой той.

На стойбище, как и при всяких военачальниках, постоянно отирались дервиши, звездочеты, предсказатели. Дервиши были проповедниками суфизма, ходили в длинных балахонах и высоких суконных шапках. Вели они себя раскованно, являлись без спроса в любую юрту, танцевали зикр и вещали о знамениях. Их не обижали, но относились с опаской. Кто его знает, вдруг нашьют несчастья, заболит хозяин, падет скот.

Вот и на той Хунбыша появился такой дервиш. Он начал вертеться в танце, потом заявил о падучей звезде, о плохих предзнаменованиях. Гости притихли. Степняки исповедовали тенгрианство, где главным божеством был Тенгри, и дервишам не очень доверяли. Они бы выгнали дервиша взащей, но Яса Чингисхана призывала уважать все религии и не выказывать предпочтения какой-то одной из них. Поэтому выходки дервиша терпели.

Дервиш вел себя как юродивый. Он подпрыгивал, гремел деревянной колотушкой, корчил рожи.

Алексей сидел отдельно от хозяина и гостей, на отдельном коврик у входа в юрту – он раб, а не свободный человек.

Дервиш подскочил к Алексею, выхватил у него из миски кусок жареного мяса, попутно перевернув рукавом пиалу с кумысом. Этого Алексей не выдержал. Он схватил дервиша за ворот халата и выволок из юрты, дав на прощание сильный пинок.

Дервиш отлетел на несколько метров, злобно прошептал ругательство, потом схватил деревянный посох, лежавший у юрты, и кинулся на Алексея. Выглядел он и вел себя как ненормальный, но палкой владел виртуозно.

Дервиш успел нанести Алексею несколько чувствительных ударов и не подпустил его к себе на дистанцию ближнего боя. Наконец Алексей исхитрился, схватил его палку и вырвал

ее из рук дервиша. Алексей был зол и начал охаживать дервиша его же посохом – по плечам и по спине.

Палка была прочной, отполированной многолетним употреблением, и дервиш начал вскрикивать. Потом он не выдержал и бросился наутек.

Сзади раздались радостные крики, и Алексей обернулся. Оказывается, из юрты высыпали гости и с удовольствием следили за дракой.

У самого же Алексея настроение испортилось. Кумыс пролит, последний кусок мяса съеден дервишем. Он поклонился хозяину и поблагодарил за угощение.

Хунбыш посмотрел на лицо Алексея, приказал рабу принести лепешек и отдать их русскому. Лепешки были пшеничные, испеченные в тандыре и еще горячие.

Алексей пришел в сарай для невольников и раздал им лепешки, оставив себе одну. Есть самому, в одиночку, когда рядом были голодные собраты, было выше его понимания.

Происшествие имело последствия – уже утром его пожурил Кутлуг.

– Нехорошо блаженного человека бить, – покачал он головой.

– Он первый начал. К тому же у него палка была.

– На первый раз я тебя не накажу, но впредь будь благоразумней. Дервиш злопамятен, и он в становище не один. Если они объединятся против тебя, тебе придется худо.

Поднатасканные в игре сотники Оюн и Хунбыш стали делать успехи. Они обыгрывали таких же сотников и удостоились чести играть с самим Неврюем. Нойон же, считавший себя опытным шахматистом, был удивлен успехами сотников в древней игре. Сотники упираться не стали и рассказали, кто их учил.

Неврюю стало интересно, и он призвал к себе Алексея.

Сидеть за одним столиком с рабом было невозможно: Алексей, сделав ход, отступал на пару шагов назад. К тому же одежда его уже была ветхой, драной – ведь сменной не было. По мере возможности Алексей стирал ее в ручье, и одежда становилась чище, но новее уж точно не становилась.

Время от времени нойон окидывал Алексея брезгливым взглядом.

Эту партию Алексей выиграл. Неврюй очень удивился, но посчитал это случайностью. Однако он проиграл рабу и вторую партию, и третью...

– Скажи Кутлугу, пусть оденет тебя попроще и пострижет – не хватало еще блох и вшей от тебя нахватать. После обеда будешь приходить ко мне и учить меня игре.

Алексей поклонился и попятился задом к выходу.

Возле юрты стояли два телохранителя, рядом толкался Кутлуг. Ему не терпелось узнать, зачем раба вызывали к самому нойону. Это случалось редко, на памяти толстяка – единичные разы.

На его глазах один из телохранителей подставил Алексею подножку. Тот споткнулся, но на ногах устоял, а телохранители дружно заржали – все развлечение.

Алексей повернулся, собираясь уходить, и неожиданно резко ударил локтем правой руки телохранителя под дых. Тот от боли согнулся, хватая ртом воздух, лицо его побагровело. Потом он закашлялся и с трудом выпрямился. Глаза его сверкали злобой, но предпринять он ничего не мог. Убить раба или покалечить его означало нанести урон нойону. За это в лучшем случае можно было поплатиться службой, а в худшем – отведать кнута палача с непредсказуемым исходом.

Второй телохранитель удара Алексея не видел, слишком быстро все произошло, и сейчас таращил глаза на сослуживца, не в силах понять, что случилось.

Алексей же заботливо спросил:

– Что случилось, занедужил? Служба у тебя вредная, о здоровье думать надо.

Кутлуг удара Алексея тоже не увидел, но Алексея заподозрил. Подножка телохранителя не ускользнула от его взгляда, и теперь он связал между собой два этих мелких происшествия. За руку он оттащил Алексея подальше:

– Ты в своем уме? Телохранители подчиняются Неврюю и ответ несут только перед ним.

– Без воли господина они не тронут.

– Ты слишком смел!

– Вот объясни мне, Кутлуг, почему телохранители не могли?

– Тебе этого знать не надо. А впрочем... Борьба за власть. Телохранители из рабов местами дорожат, и подкупить их невозможно.

Отравления в Орде были обычным делом – как и несчастные случаи на охоте. В пищу и питье подмешивали яд не только русским князьям, приезжавшим за ярлыком на княжение, но и наследникам властителей, чтобы убрать неугодных.

Алексей понял недосказанное.

По дороге к сараю невольников Кутлуг подробно расспросил об аудиенции у Неврюя.

– Шаровары я тебе подберу, волосы наголо острижем – есть среди рабов брадобрей и цирюльник. С рубахой вот хуже, больно ты высок.

Но из трофейных запасов одежду удалось подобрать.

Брадобрей остриг Алексею волосы ножницами, потом смочил остатки волос водой и соскоблил бритвой.

Алексей провел рукой по непривычно лысой голове и пошел к ручью купаться. Эх, хорошо-то как, вроде как несколько лет сбросил!

После посещения Алексеем Неврюя отношение к нему Кутлуга резко изменилось. Он выделил ему маленькую, но отдельную комнатку – в том же сарае для невольников, но все же отдельную, с топчаном. Ранее Алексею приходилось спать на земле, накидав вместо матраца высушенной травы, и он понял, что явно поднялся в глазах толстяка.

На следующий день, как и было ему приказано, Алексей дожидался у входа в юрту. И когда слуга позвал его, оба телохранителя сделали шаг в сторону, пропуская. Они помнили вчерашний удар, и наука пошла впрок.

Неврюй играл неплохо, но с теорией игры он знаком не был. Проигрывал с бесстрастным лицом, но по глазам видно было – злился, какой-то раб играет лучше него! Неврюй считал Алексея пустым местом.

Периодически в юрту заходили чиновники, кланялись униженно и докладывали о состоянии дел. Алексей же услышанное мотал на ус. Он не знал, пригодятся ли ему эти сведения, но верил, что рабом он долго не будет и все услышанное пойдет впрок.

Особенно интересны ему были доклады юртчи – было такое учреждение в армии Чингисхана, ведавшее размещением кочевий, расположением лагерей, маршрутами войск.

Для передвижения войск по степи жизненно важно знать о наличии колодцев или расположении рек и ручьев. Юртчи же выполняли роль разведки, узнавая, где находится противник, какими силами он располагает и что думает предпринять. Выполняли юртчи и особые функции: подкупали, когда удавалось, военачальников врага и сеяли в тылу панику, крича о подходе несметных сил моголов.

Понемногу день ото дня Алексей многое узнавал о войске моголов. Для него это было важно, он понимал, что для Руси моголы – самый главный враг, грозящий уничтожением русичей.

Могольская армия имела десятичную систему построения. Десяток – арбан, сотня – джагун, тысяча – минган, десять тысяч – тумен. Имела она три части: центр – хол, правое крыло – барунгар и левое – джунгар. Боевое построение было в пять рядов.

Левое крыло состояло из легкой конницы, главным оружием которой был лук. Они начинали битву – кружили перед противником кольцо, непрерывно осыпая его стрелами, нанося урон живой силе и деморализуя ее. Правое крыло в это время обходило врага с фланга, ломая его порядок.

Центр состоял из тяжеловооруженных всадников, имеющих длинные копья и сабли. Центр наносил главный удар.

В бою для управления войском использовались сигналы – белым и черным флагом, а сигнал к атаке подавался барабанами.

Каждый воин должен был иметь в саадаке два лука, а в колчане – не меньше тридцати стрел. Кроме того, аркан, шило, иглу и нитки, камень для заточки оружия, котелок и мешок с провиантом. Наличие всего периодически проверялось десятниками. Седла на конях были с высокими луками, стремяна были короткие, ременные, что и вызывало у всадников характерную посадку с согнутыми в коленях ногами.

Имелась и гвардия – отборные воины, где служили дети нойонов, мурз и особо знатных людей. Называли тумен – корпус пешиктенов. Гвардия была своего рода училищем, и после определенной подготовки оттуда назначались военачальники в обычное войско.

Кроме главного рода войск – конницы, – были и пешие наемники в малом числе и отряд осадных машин.

Еще в 1224 году Чингисхан выделил своему сыну Джучи обширный улус – кыпчакскую степь, Хорезм, часть Кавказа, Крым и Русь.

В 1227 году почти одновременно умирают Чингисхан и Джучи, и улус достается его старшему сыну Батю, прозванному Соин-хан, что значит Добродушный.

Нойон проиграл все партии. Алексей устал стоять в полусогнутом положении, ныла спина. Наконец Неврюй отодвинул от себя столик с шахматами, давая понять, что на сегодня игра закончена, и Алексей с облегчением выпрямился.

– Скажи, – обратился к нему нойон, – почему русичи так сопротивляются? Наша армия сильнее, лучше обучена, у нас железная дисциплина.

– Мне будет позволено сказать правду?

– Я не посол, зачем говорить лживые слова? Я воин и хочу знать правду.

– Как бы ты, достопочтимый Неврюй, отнесся к тому, если бы Каракорум захватили... ну, скажем... менгиты?

– Такого не может быть!

– А все же?

– Боролись бы с ними до победы.

– Ты сам ответил на свой вопрос, Неврюй.

– Ваша рать сражается пешей, а у нас конница. Вы не победите, только понесете ненужные жертвы.

– Славянские князья пока разобщены, каждый держится за свой удел. Но пройдет время, ошибки будут учтены и исправлены.

Алексей не стал продолжать – Неврюй все понял сам.

– Сколько времени должно пройти?

– Много. Сто, двести лет – кто знает?

– За такое время русичи просто исчезнут, как канули в Лету многие народы. Не проще ли платить габалык? Одна десятина ханскому баскаку – и город не тронут, нам не нужна выжженная земля. Платите дань и живите по традициям своих предков.

– Прости, досточтимый Неврюй, я только твой раб и от меня ничего не зависит.

– Ты был воином?

– Твоя правда.

– Воевал с нами?

– Под Коломной, под рукой Евпатия Львовича Коловрата, боярина рязанского.

– О! – Неврюй был наслышан о жестокой сече, где рязанцы показали себя героями. – Но Соин-хан милостив, он отпустил оставшихся в живых в знак уважения к их доблести.

«Соин-хан», или «Добродушный», было прозвищем Батыя.

– Я был в их числе и ощутил на себе милость хана. Но мне не повезло на обратном пути, меня пленили.

– Судьба не всегда милостива к людям, мы лишь игрушки в руках могущественного Тенгри. Ступай, придешь завтра в это же время.

Алексей стал приходить к нойону каждый день. Бывало, Неврюй был занят делами, и, прождав три-четыре часа у юрты, Алексей уходил. Но зачастую после игры нойон беседовал с ним. Нойон говорил о цивилизации, которую несут моголы покоренным народам. Алексей не спорил с ним, берег голову, но, когда спрашивали его мнение, говорил правду. Не всегда это нравилось Неврюю, однако нойону было интересно знать позицию врага. Для военачальника Неврюй был любопытен и любознателен, и у Алексея мелькнула мысль: а не метит ли нойон занять место повыше, поближе к трону?

Лето шло к концу, ночи стали прохладнее, но дни оставались теплыми, и Неврюй решил выехать на соколиную охоту. Каждый мурза считал честью и своим долгом иметь у себя охотничьих соколов и ловчих барсов. Для этого они содержали особых людей, сокольников.

Подготовка началась заранее, за неделю.

Когда Алексей узнал об этом, он даже обрадовался – хоть отдохнет от ежедневных визитов к нойону. Но он рано радовался: женщин на охоту не брали, но сопровождающих нойона набралось много – сотники, их приближенные, сокольниковые, повара, обоз с провиантом, рабы для obsługi. Нойон и мурзы, сотники гарцевали впереди на лошадях, обоз же тянулся сзади.

Ехали к низовьям Итиля – как они называли Волгу. Многочисленные рукава ее кишели рыбой, берега, где в изобилии водились утки, поросли камышами, в ложбинах и урочищах обитали степные волки, шкуры которых ценились как трофеи. Были и степные шакалы, лисы.

Отправлялись на охоту, как на праздник, предварительно принеся жертвы главному божеству – Тенгри. Выезжали под завывание труб и бой бубнов.

Всадники периодически уезжали от обоза, скрывались из виду. За нойоном неотступно следовали телохранители – всем была памятна смерть на охоте Джучи, отца Батыя, которого нашли с переломленным позвоночником.

Обоз из полусотни арб, запряженных быками, шел медленно, поднимая облако пыли. Алексей ехал в шестой арбе, вместе с толстяком Кутлугом. Большого желания трястись в арбе, плотная пыль, не было, но Кутлуг передал пожелание нойона присутствовать на охоте. Видимо, в свободные минуты нойон хотел развлечься.

Обоз прибыл к одному из правых протоков к вечеру. Рабы стали устанавливать походные юрты и разводить костры для приготовления пищи. Воины выпили хмельного стоялого кумыса из бурдюков и бродили по лагерю, похваляясь, у кого какой сокол лучше.

Алексей же наслаждался природой. Воздух чистейший, вода журчит, на небе – яркие крупные звезды, какие бывают только на юге.

Тоскливо ему стало. И от родных земель далеко, и друга себе среди рабов не нашел. Там у всех было одно желание – выжить любой ценой, даже за счет другого.

Рано утром нойон и его окружение выехали в степь.

Вернулись они к вечеру, довольные, демонстрируя трофеи – несколько уток и шакала. На радостях выпили кумыса и устроили пляски.

Алексей смотрел с любопытством – могольское веселье вблизи он видел впервые.

Сын Неврюя, Сангир, так разгорячился, что скинул ичиги и халат и полез в воду охладиться.

Степняки воду не жаловали, купались редко и в чанах или в корытах, плавать не умели. Через реки переправлялись вплавь, держась за лошадей и подстраховываясь надутыми бурдюками.

Сангиру хмель ударил в голову, и он решил проявить удаль.

Протока не выглядела широкой, метров пятьдесят, это не Итиль широкий. Сангир барахтался в воде и радостно кричал, пока другие воины с опаской смотрели на него с берега, однако он оступился в омут. Вода в бочажке была холодной от подводного ключа, и ему сразу свело судорогой ногу. Он стал кричать, но воины некоторое время не могли понять, что кричит он не от восторга, а просит о помощи. А поняв это, испугались. Плавать они не умели, к тому же под водой может водяной царь сидеть, в жертву себе заберет. И чем сильнее бился Сангир, тем сильнее он запутывался в водорослях, голова его уже периодически под водой скрываться начала.

Моголы кинули аркан, чтобы Сангир зацепился за него, но в этот момент он ушел под воду.

Алексей, находясь на берегу, услышал шум. Он подбежал, оценил обстановку, не зная тогда еще, что в воде – сын Неврюя. Сбросив ветхие сапоги, он, как был – в шароварах и рубахе, прыгнул с берега.

В несколько широких саженок он добрался до омута, нырнул, ухватил утопающего за косичку. Все могольские воины носили на затылке косичку, порой довольно длинную, до середины лопаток – в бою волосы защищали от удара мечом или саблей.

В это время по берегу в панике бегали сотники, телохранители и знатные гости. Кутлуг кричал телохранителям:

– Чего стоите? Прыгайте в воду, спасайте господина!

Но прыгнуть никто не отважился. На берегу были воины, прошедшие не одну битву, и трусов среди них не было. Но вода – чужая стихия, там живет свое божество, и это останавливало моголов.

Алексей, ухватив Сангира, попытался вынырнуть, чтобы глотнуть воздуха – от нехватки кислорода в глазах уже расплывались темные круги. Он на секунду выпустил косичку могола, вынырнул на поверхность, жадно хватил воздуха и снова ушел под воду. Ухватив за косичку уже безвольное тело утопающего, он заработал ногами и одной свободной рукой.

Вынырнуть ему удалось, и тут же с берега ловко бросили аркан, который упал прямо у руки. Алексей ухватился за него, на берегу тут же несколько человек ухватились за свободный конец и дружно вытянули, практически – выдернули из воды Алексея, мертвой хваткой державшего Сангира.

Алексей лежал в паре метров у воды, Сангир – у самого уреза. К нему подбежали воины и перенесли тело подальше от воды.

Сын нойона не дышал, лицо его было бледным, он не подавал признаков жизни.

– Немедленно лекаря! – закричал кто-то.

Алексей несколько секунд переводил дыхание, сердце бешено колотилось, но он заставил себя встать и, качаясь от слабости, пошел к Сангиру. Остановившись у неподвижно лежащего тела, он поднял руку, привлекая внимание:

– Все прочь, дальше, на десять шагов!

Знать начала возмущаться – раб, а командует. Но тут вперед шагнул Неврюй.

– Исполнять! – крикнул он.

В первый раз Алексей слышал, как нойон повышает голос.

Воины шарахнулись в стороны, образовав широкий полукруг.

Алексей торопился, время шло уже не на минуты, а на секунды. Не сможет оказать Сангиру помощь – здесь его и зарубят, так что терять ему было нечего.

У тела сына остался только Неврюй. Сангир – его старший сын, наследник, и смерть его стала бы для нойона большим ударом.

Алексей опустил перед Сангиром на одно колено, поднял тело, перевернул его на живот, уложил на бедро лицом вниз, и изо рта Сангира потоком хлынула вода. Мельком Алексей увидел, как расширились глаза Неврюя.

Не мешкая ни секунды, Алексей уложил Сангира на спину, запрокинул его голову, зажал пальцами нос и приник к губам сына нойона. Сделал выдох, потом еще один – всему этому его учили еще в военном училище. Потом сложенными руками произвел четыре толчка на грудину – и снова дыхание рот в рот.

Через пару минут упорной работы Сангир закашлялся, отплеывая воду, а Алексей нащупал пульс на сонной артерии. Есть, бьется жилка, хоть и слабо.

Он повернул Сангира на правый бок, чтобы он не задохнулся запавшим языком, а вода могла стечь из легких. Главное – Сангир стал дышать сам, он остался жив.

Через несколько томительных минут мертвой тишины, когда окружавшие их воины боялись говорить и дышали едва-едва, Сангир открыл глаза. Они были мутными, взгляд блуждающий.

Неврюй, стоявший в толпе, вскинул руку:

– Мой сын жив! Великий Тенгри не оставил меня и сына своей милостью!

Знать и военачальники взорвались радостными криками, а примчавшийся лекарь, врачующий раны перевязками, только развел руками:

– Великое чудо, мой господин! Водяной царь не принял жертву, Божественный Тенгри спас твоего сына! Чудо невиданное!

Алексей отошел в сторону, разделся, выжал одежду и вновь оделся. Нашел на берегу свои сапоги, обулся, и тут к нему подбежал Кутлуг:

– Ай-яй-яй! Нехорошо! Такой герой – и в мокрой одежде! Идем!

Толстяк подвел его к арбе, подобрал шаровары и рубашку. Все было не новым, но чистым и добротным.

Алексей переоделся – так оно лучше, а мокрую одежду развесил на бортах арбы сушиться.

Толстяк вертелся рядом.

– Ах, шайтан! – причитал он.

– Это ты о ком? – поинтересовался Алексей.

– Да о тебе же! Оживить мертвого может только Великий Тенгри или шайтан. На Тенгри ты не похож, стало быть – шайтан.

– Кутлуг! Разве я похож на шайтана? Где мои рога, копыта, хвост?

– Тогда дэв! Они могут принимать обличье обычных людей. Это хорошо!

– Не понял, объясни.

– Теперь тебя все будут бояться и уважать.

– Что мне с того? Лишний кусок мяса на ужин перепадет?

– Э, какой ты непонятливый, все тебе надо растолковывать! Бояться будут, потому что ты дэв, общаешься с миром мертвых. Ты можешь призвать души умерших, и твои обидчики умрут в мучениях. А уважать – ты же вдохнул свою жизнь в Сангира. Это все видели, и отныне он твой побратим.

– Я – побратим Сангира? Я же раб! А он – сын нойона! Не смейся, Кутлуг!

– Еще не вечер. Сейчас нойон занят сыном. Он его очень любит, Сангир его наследник. Как истинный мужчина, Неврюй не показывает вида, что переживает – не к лицу. Но сыну его не быть братом рабу, и попомни мое слово – завтра же с тебя снимут кольцо раба.

– Я бы согласился и сегодня.

– Кузнеца нет, сняли бы и сегодня. А пока ты раб, Неврюй не снизойдет до благодарности.

Алексей был ошарашен. Он бросился в воду не для того, чтобы перестать быть рабом. Если бы тонувший был не сыном нойона, а десятником, он сделал бы то же самое. Если можно помочь погибающему, почему он должен стоять в стороне, как стояли другие? В отличие от степняков он хорошо умел плавать.

Пока Алексей осмысливал услышанное, Кутлуг продолжил:

– Когда станешь свободным и возвысишься, не забудь про толстого Кутлуга – ведь это я тебя приметил на невольничьем рынке и купил. Сделал водоносом, а не поставил убирать за скотом, и даже в шахматы разрешил играть, хотя рабам запрещено отлынивать от работы.

– Если все будет так, как ты сказал, – не забуду.

– Верно. Такие, как ты, держат слово.

Кутлуг улыбался Алексею, как лучшему другу, но глаза его были хитрыми.

Спать Алексея Кутлуг уложил в арбе, на стопке верблюжьих одеял, которые брал про запас – вдруг ночью гости замерзнут?

Утром все тронулись в обратный путь. Сангир был еще слаб и ехал не на коне рядом с отцом, а лежа в арбе. Обоз сдерживал движение, но ни один всадник не отважился ускакать вперед, к стойбищу – ведь рядом с арбой, где лежал Сангир, ехал сам нойон.

Добрались они поздно вечером. Семьи высыпали встречать охотников, но радостные крики быстро утихли, когда люди узнали о происшествии.

Сангира на руках перенесли в юрту нойона, хотя у него была своя, стоящая по соседству.

Алексей уже было направился к своему закутку в глиняном сарае, но тут его догнал Оюн:

– Тебя призывает Неврюй.

Оюн шел впереди, покрикивая на зазевавшихся моголов – прокладывал дорогу.

Телохранители, стоящие у входа в юрту, Алексея пропустили сразу, а Оюн остался снаружи.

Неврюй сидел со скорбным лицом.

– Что мне еще надо сделать для моего сына? – спросил он.

– Он должен три дня лежать, дышать чистым воздухом. Юрта для этого не годится. Утром его надо вывозить – можно недалеко, вечером возвращать. На четвертый день твой сын встанет.

– Хоп, якши. Я тебе верю. Ты будешь находиться при нем.

Алексей поклонился и вышел.

Однако вернуться в свой сарай ему не дали. Оюн, дежуривший у входа, сказал:

– Иди за мной.

Алексея привели в юрту по соседству с юртой Неврюя. Обычно там останавливались гости, наезжавшие из Булгара, – от битакчи до огланов и эмиров, и для раба это была честь необыкновенная.

Сначала Алексей подумал, что надо что-то делать, но служанки принесли ему горячих, только что из тандыра, лепешек, целое блюдо жареного мяса и блюдо сухофруктов – изюма, абрикосов, хурмы.

Алексей не спеша поел, и служанки поднесли ему чашу с водой для омовения рук, подали полотенце.

Алексей развалился на подушках и почувствовал себя на вершине блаженства. В первый раз за все время плена он наелся досыта, да не кислой груши-дичка, а мяса с лепешками.

Сон подкрался незаметно.

Утром его разбудила служанка:

– Пора кушать, обоз для Сангира готовят к выезду.

Алексей выпил кумыса, поел лепешек и вышел из юрты.

Сангира уже погрузили в арбу. Для Алексея подвели другую арбу, и в сопровождении десятка воинов маленький обоз выехал из становища.

Через несколько километров Алексей попросил остановиться. К нему подбежал десятник:

– Я в твоём распоряжении, говори, что делать.

– Постелите ковер, бросьте подушки и перенесите на них Сангира. Сами будьте в двух полетах стрелы. После полудня разведи маленький костер и повесь над ним котелок с водой.

– Исполню.

Всадники разъехались, образовав кольцо в километр диаметром.

Воздух был чистый, как родниковая вода.

Алексей тронул Сангира за руку:

– Ты как?

– Слабость еще есть. Оpozорился я.

– Не то говоришь. В чем твой позор? Разве ты струсил в бою? Просто водный царь хотел забрать тебя к себе. Ты выздоровеешь и вскоре забудешь о плохом. А пока лежи, набирайся сил. Я найду для тебя лучшие травы, и ты через три дня встанешь на ноги.

Сангир кивнул и закрыл глаза, а Алексей стал описывать круги вокруг пригорка.

Еще в бытность свою у Владимира Мономаха он узнал о свойствах многих трав. Толковых лекарей было мало, но ему удалось набраться ума-разума у травника. Вот и сейчас он набрал целую охапку зверобоя, мяты, душицы, чабреца.

К полудню, в полусотне шагов от Сангира, с подветренной стороны, чтобы дымом не побеспокоить больного, десятник развел костер и на треноге подвесил над ним котелок с водой. Дождавшись, пока она закипит, Алексей бросил в котелок травы, здраво рассудив, что хуже от этого Сангиру точно не будет.

Отставив в сторону котелок, он дождался, пока травяной отвар немного остыл, и поднес котелок к губам Сангира:

– Пей.

Сын нойона, отпробовав, поморщился:

– Горько...

– Зато полезно. Хочешь быстро встать на ноги – выпей все это маленькими глотками.

Сангир так и сделал. Потом он в бессилии откинулся на подушки, на лбу выступила испарина.

Алексей боялся одного – воспаления легких, тогда Сангир быстро на ноги не встанет. Будь вода грязной или болотистой, так и случилось бы, но речная вода в то время была чистой.

Сангир был парнем молодым, и организм взял свое. На третий день, когда они подъехали к становищу, он соскочил с арбы и пошел рядом с ней. Правда, он еще придерживался за борт повозки.

Телохранители узрели эту картину и сразу доложили Неврюю.

Когда арба подъехала, нойон сам вышел посмотреть на сына, обнять его отеческой рукой, и Алексею на мгновение показалось, что, если бы не множество людей вокруг, Неврюй прослезился бы. Суров нойон, но отцовские чувства к первенцу сильнее.

Неврюй обнял подошедшего Сангира, прошептал что-то ему на ухо и ввел в свою юрту.

Погонщики на арбах погнали быков в стойло, Алексей же отправился к себе – он выполнил свое обещание.

Буквально через полчаса к нему в закуток ворвался толстяк:

– Я так и знал, что ты здесь!.. Идем к кузнецу!

– Кольцо снимать?

– Я же тебе предсказывал!

Кузнец к такому повороту событий был не готов – первый раз за время службы ему пришлось не ставить серьгу, а снимать ее. Он попытался разжать концы, но у него это не получилось. Тогда он просто перекусил медное кольцо клещами и вытащил из уха два полукольца.

– Держи на память. – Он протянул обломки кольца Алексею.

– Нет уж, и так не забуду...

Ранка саднила, но Алексей свободно вздохнул. Отныне он не раб, хотя отметина на мочке уха останется навсегда.

– Хватит себя щупать, не заставляй нойона ждать.

Толстяк сопровождал Алексея к юрте нойона, но вошел в нее Алексей один. Отвесил поклон.

Восточные люди любят лесть, придерживаются традиций. Нижестоящие гнули спины перед начальниками – тот же Неврюй отвешивал поклоны хану Батыю. Хан чингизид, в его жилах течет кровь великого Темучжина, и остальные военачальники ему не ровня.

– Досточтимый нойон, да продлятся его годы, хотел меня видеть?

– Садись. Отныне ты не раб и свободен. Ты рад?

– Не скрою – доволен.

– Благодарю тебя за спасение сына. Как ты сумел? Полагаю, в твоих жилах течет кровь самого шайтана или его потомков.

– Не гневайся, досточтимый нойон, только кровь дэвов и знания предков.

– Но ты вдохнул жизнь в мертвое тело! Такого не могут самые лучшие лекари и даже дервиши. По нашим традициям, которые никто не волен нарушить, отныне ты и мой сын – побратимы, а стало быть, ты – мой названный сын.

Алексей был шокирован. Утром он был еще рабом, а к вечеру стал побратимом сына Неврюя и его названным сыном. Карьера головокружительная!

Он растерялся. Что теперь делать? Если свободен, значит, можно уйти, вернуться на родину? Но по законам Ясы только моголы могли иметь оружие, а без оружия и коня он не сможет добраться даже до ближайшего города – Рязани. Стало быть, отсюда – новая угроза плена, а то и смерти от вездесущих дозоров.

Алексей поклонился нойону:

– Благодарю за честь великую, храбрый и благородный Неврюй. Не скрою, я растерян. Утром раб твой бесправный, вечером – названный сын.

– Завтра в честь спасения и выздоровления моего сына будет той – гости, скачки, куреш. Ты должен сидеть рядом с Сангиром. Уже половина улуса знает о его чудесном спасении. Ко мне приезжают гонцы с подарками от других тысячников и темников. А после праздника будем решать твою судьбу.

Алексей снова поклонился. Слишком быстрые и разительные перемены, он был в замешательстве.

Попытившись задом, он вышел из юрты. Повернуться к хозяину спиной, значит – нанести ему обиду, оскорбление, за это наказывали даже моголов.

Толстяк ожидал его у юрты.

– А, говорил я тебе! Пойдем, покажу тебе твое новое жилище. Юрта не хуже, чем у Сангира. И служанки есть. Отныне ты будешь вкушать то же, что и сын нойона.

Новая юрта, которой прежде не было, стояла недалеко от юрты Сангира, в тылах жилища Неврюя.

Алексей с Кутлугом вошел.

Пол юрты был застелен кошмой, поверх брошены хорезмские ковры, горкой лежат подушки. На них сидели, о них опирались руками, их подкладывали под спины. Был и низкий столик, как это принято у моголов. На треногах стояли масляные светильники. Вполне достойная юрта, на уровне достатка степняков. Неврюй не выставлял своих богатств напоказ и сына к этому приучил.

Утром на окраине становища начались приготовления к пиру. Стелили кошмы, раскатывали ковры, ставили чаши с угощениями.

Прибывших гостей встречал лично Неврюй. Многие из гостей были равны или выше его рангом. Не выказать им уважение – нанести обиду.

Когда гости расселись, во главе длинного, на три сотни гостей достархана уселся сам Неврюй. По правую руку от него сидел Сангир, правее сына – Алексей.

Гости стали перешептываться. Место почетное, по какому праву его занимает русич?

Перед тоем Алексея приодели: тюбетейка на голове, расшитый шелковый халат, красные ичиги на ногах. Сам Алексей ощущал себя попугаем из-за яркого халата.

Первый тост сказал хозяин, сообщив о чудесном спасении сына. Гости и хозяева выпили по пиале стоялого кумыса – после закваски и недельной выдержки кумыс пьянил не хуже вина.

Раздались здравицы в честь хозяина и его сына.

Когда гости слегка насытились, Неврюй снова поднял пиалу. На достархане была баранина жареная и вареная, копченая и жареная рыба, лепешки, свежие и сухие фрукты, сладкий шербет и халва, орешки в меду – угощение на любой вкус.

Когда Неврюй встал, наступила тишина.

– Хочу объявить всем – у меня появился названный сын, побратим Сангира. Это он спас моего сына. Пригубим чаши за его добродетель и здоровье.

После этих слов возникло секундное замешательство – слишком необычным было сообщение.

Побратимство с русичем было явлением редким, но не единственным. Александр Ярославич, прозванный в дальнейшем Невским, в свой приезд в Орду подружился и побратался с сыном Батыя, Сартаком, и стал сыном хана. В дальнейшем Александр склонил Сартака принять христианство – случай уникальный.

Гости выпили кумыс и принялись за еду. Когда они сказали ответные тосты и вдоволь наелись, начались игрища. Сначала – козлодрание. Всадники вырывали друг у друга козла, и тот, кто пришел с ним к финишу первым, стал победителем.

Для моголов козлодрание было одним из любимых развлечений, победителю вручали расшитый золотом пояс.

Затем начались схватки богатыров в борьбе куреш – борьбе на поясах. Для Алексея это было уже интереснее, чем козлодрание.

После чествования победителя начались соревнования по стрельбе из лука. Желающих было три десятка. Сначала они стреляли по целям на сто шагов, потом – на двести. Несколько вышедших в финал лучников стреляли уже по живым мишеням: рабы выпустили из клеток чирков – небольших и юрких уток. Победил один лучник, сбив на лету двух чирков. Сотник, из сотни которого был этот лучник, кричал громче всех.

Гости уже набрались кумыса и ходили, покачиваясь, говорили громко.

Алексей только пригубил чашу. Ему было интересно посмотреть праздник, поскольку он присутствовал на нем в первый раз.

Всей гурьбой народ направился влево от достархана – там начались состязания воинов, они дрались на деревянных мечях. Перед боем надевали жилеты, набитые ватой и простеганные, кисти рук перевязывали длинными лентами из плотной ткани. Щитов, как и защиты для рук, а также шлемов не полагалось.

Для бойцов образовался широкий круг для маневра, вокруг стояли разгоряченные зрители. Выставляли бойцов сотники и тысячники, каждый болел за своего.

Алексей смотрел с интересом: ему было любопытно узнать приемы боя моголов, тем более что на поединок выставляли лучших воинов. Он имел подспудный практический интерес – вдруг придется столкнуться в бою? Каждая армия отдавала предпочтение и учила своих воинов определенным приемам, и, увидев два боя, Алексей сразу понял – византийский опыт здесь ему не пригодится. Там гоплиты наступали строем под прикрытием щитов, мечи были короткие, на манер римских. А вот опыт боев с половцами мог пригодиться: оружие, тактика степняков, манера боя были очень похожи. Попутно он определил у поединщиков уязвимые места – они плохо защищали левую сторону. Конечно, в бою он будет прикрыт щитом.

Сходящиеся противники кружились волчком, издавали воинственные вопли, чтобы испугать, деморализовать соперника. Не брезговали подсечками, подножками, ударами локтей.

Когда большая часть поединков уже прошла, к Алексею подошел незнакомый могол. Одежды его были расшиты цветным шелком и золотой нитью, и видно было сразу – он не из простых сотников, мурза, не ниже. Могол ткнул Алексея пальцем в грудь:

– Желаю сразиться с тобой!

Сказал он это намеренно громко, желая в поединке с русским показать свое превосходство, и к ним повернулись.

К ним поспешил Неврюй, бывший неподалеку. Он не хотел скандала на празднике и в то же время не знал возможностей Алексея.

Алексей размышлял недолго. Отказаться – значит проявить трусость, бросить пятно на нойона. Хорош побратим его сына, если учебный бой отказывается провести!

– Я принимаю вызов!

Алексей, как и его противник, скинул халат, поскольку длинные полы его мешали свободно двигаться в бою, и надел ватный жилет. Им вручили палки, имитирующие мечи. Когда-то в Византии Алексей начинал свою учебу боем холодным оружием, и ему сразу вспомнилось, как доставалось пальцам и кистям рук при пропущенных ударах – аж костяшки фаланг заныли.

Вокруг них сразу образовался круг зрителей: большинство из них знали могола и болели за него. Алексея же громкими криками поддерживали лишь Сангир да десятники и сотники нойона.

Сам Неврюй был рядом с сыном, но вид напустил на себя безразличный. Похоже, он сомневался в победе Алексея. Раб был в плену полтора года, воинскими упражнениями не занимался, а без упорных тренировок мастерство и навык быстро теряются.

Воины встали друг против друга, между ними, как и полагается, судья. Он махнул рукой и отскочил в сторону, разрешая поединок.

Как и многие степняки, могол был кривоног, относительно высок, с мощным торсом и сильными руками. Перед боем противник хищно ощерился, показывая гнилые зубы, и Алексей едва не сплюнул – ну вылитый гамадрил! Ему уже было все равно, кто перед ним – десятник или сам сотник, сейчас могол представлял собой извечного врага Руси, жестокого и беспощадного. Алексей решил рубиться всерьез, лучник он или кто?

Оба в бой не бросались очертя голову, а начали осторожно и медленно передвигаться по кругу, не отрывая друг от друга взгляда.

Из толпы закричали:

– Амбагай, атакуй! Задай ему трепку!

Моголам была нужна победа. Пусть русский и собрат, и даже названный сын нойона, но он чужой по крови.

Амбагай сделал выпад, и Алексей с легкостью его отбил. И вдруг противник стремительно обрушил на него настоящий град ударов! Однако Алексею и здесь удалось отбиться, не пропустив ни одного удара.

Моголы свистели, кричали, прыгали, хлопали в ладоши, но ни одного выкрика в свою поддержку Алексей не услышал, воистину – свой среди чужих.

Улучив момент, он ударил противника деревянным мечом по левому локтевому суставу. Амбагай не вскрикнул, только глаза его еще больше сузились, да злость в них еще сильнее запылала яростным огнем. Алексей знал, что удар был сильным и болезненным.

Амбагай воинственный пыл умерил, ожидая, что Алексей станет нападать и неосторожно приоткроется. Но Алексей, в свою очередь, принял выжидательную тактику – нанес удар и отступил.

Толпа воинов неистовствовала – удар Алексея по локтю Амбагай не все увидели.

Амбагаю, подогретому кумысом, надоело ждать, и он кинулся в атаку, палка так и летала в его руках. Алексей же медленно отступал, едва успевая отражать удары.

Как только темп ударов замедлился, Алексей решил – пора! Он сделал один мощный выпад, второй... Амбагай купился и выкинул вперед деревянный меч.

Алексей же провел прием, которым раньше пользовался – коварный польский удар. Он резко развернулся боком, завел правую руку за спину и торцом палки сильно ударил Амбагай под правую руку – в легкое и печень.

От мощного тычка у могола перехватило дыхание, и он замер на месте. Алексей же развернулся анфас и приставил палку к кадыку врага.

Судья поднял руку, прерывая поединок. Он был опытным воином, прошел не одну сечу и из-за спины увидел удар Алексея, а потом и его красноречивый жест – меч к горлу.

Зрители были разочарованы, свистели и топали ногами.

Судья подошел к противникам, взял руку Алексея и поднял ее вверх. Но всем и так было понятно, кто победитель.

Когда судья отошел, Амбагай прошипел сквозь зубы:

– Мы с тобой еще встретимся, урус! Только меч у меня будет настоящий.

– Я тебя тоже убью по-настоящему, – тихо ответил Алексей и увидел, как на секунду в глазах могола появился страх. Уж Амбагай-то оценил мастерство фехтования Алексея, как никто другой. Деревянные мечи в их руках мелькали столь стремительно, что не все зрители поняли весь ход боя.

Зрители – они же гости – побрели к достархану. Сангир, рядом с ним – Неврюй, за ним – несколько сотников Неврюя, среди которых Алексей заметил Оюна и Хунбыша. Они дожидались Алексея.

– Ты замечательно провел бой! Не знаю, кто из моих сотников мог бы противостоять Амбагаю лучше, чем ты. Я боялся за тебя, ведь ты защищал честь нашего племени. Не знал, что ты у себя был знаменитым воином – так владеть мечом немногие могут.

На радостях Неврюй приобнял Алексея, так они и пошли к достархану. Когда Алексей проходил мимо гостей, многие выкрикивали поздравления – незримая чаша уважения склонилась в его пользу.

За достарханом сидели воины, которые по достоинству оценили работу с мечом уруса Алексея.

Когда все уселись, Сангир наклонился к Алексею и шепнул ему:

– Ты знаешь, с кем бился?

– Как я слышал, его Амбагаем звать.

Сангир засмеялся:

– Это багатур из тумена Мунке, его еще никто на мечях не мог одолеть, ты первый. Теперь тебя будут узнавать в лицо даже мальчишки в аулах. Посмотри на лица гостей, они шепчутся о тебе.

– Пусть. Я показал себя, но сделал это для твоего досточтимого отца и тебя. Как я мог опозорить род, с которым побратался?

Сангир так растрогался, что обнял Алексея. Неврюй был удивлен поступком своего обычно сдержанного сына, а Сангир повернулся и тихо повторил отцу слова Алексея. Тот выслушал и приложил правую руку к сердцу, выражая тем самым благодарность своему названому русскому сыну.

Вечером гости стали разъезжаться. По обычаю провожал их сам нойон и его сын Сангир. Алексей стоял немного позади – он не имел права стоять рядом. Не знатен, не могол, не благородных кровей чингизидов. Но после прощания с нойоном многие гости подходили и к нему – поблагодарить за удовольствие, полученное от боя.

Глава 3. Телохранитель

Утром Алексей выспался, чего не мог позволить себе уже давно, раб – существо подневольное. Но теперь он не знал своего статуса в становище. Да, он свободный человек, но он что-то должен делать. Пока он не может покинуть лагерь, хотя страстно желает вернуться на Русь. Но Алексей умел ждать и верил, что этот момент в конце концов наступит, он вернется.

Тяжело было сейчас Руси. Многие княжества, такие как Рязанское, в разрухе, города сожжены, многие люди убиты, другие угнаны в плен. Обезлюдели некогда богатые и многолюдные княжества. Да и княжествами их теперь назвать было нельзя, если только формально, потому как и князей нет. Сохранились фактически только северные земли – Суздаль, Владимир, Великий Новгород. Киев, мать городов русских, – и то унижен, разорен и лежит в прахе.

При первом же удобном случае Алексей решил покинуть становище и держать путь на север – пешком ли, на коне, на торговом судне. К моголам и их порядкам он привык, но не смирился. Он воин, и его место – в строю дружин русских. Тяжко сейчас Руси, и его долг, как русского человека, – помочь Родине-матери. Если не устоит она, исчезнут русичи, как исчезли многие народы – скифы, сарматы, как под тяжким гнетом моголов исчезают половцы.

Он встал, потянулся.

Услышав движение, в юрту вошла служанка с медным тазом и кумганом воды для умывания. Не успела она уйти, как две другие внесли на блюдах завтрак.

Алексей вяло пожевал фруктов, съел лепешку.

От входа послышался голос Кутлуга:

– Хозяин встал?

– Заходи, Кутлуг. Как почивал?

– Прекрасно!

– Присоединяйся к трапезе.

– О, какой стол! Не откажусь.

От еды, особенно дармовой, толстяк никогда не отказывался. Он съел лепешки, запил их шербетом и вытер рот рукавом халата.

– Видел я вчера твой бой! Ты просто вылитый воин! Победить самого Амбагая! Я тебя поддерживал, желал победы.

– Спасибо.

– Но отныне берегись.

– Что ты хочешь сказать?

– Амбагай злопамятен. Не смог одолеть тебя в честном бою – попытается устроить пакость. Может подослать наемных убийц или подсыплет яду в кушанье.

– Поступок низкий и недостойный воина.

– Ему не привыкать. Были случаи, подозревали его, но свидетелей нет. Ты не хочешь купить себе раба?

– Зачем?

– Чтобы он пробовал еду перед тем, как ее будешь вкушать ты. Если еда отравлена – он умрет, но невелика потеря. Зато ты останешься жить.

– Прости, Кутлуг, у меня нет денег. Я даже могольских монет не видел.

– Ну да, ну да, откуда? Смотри.

Кутлуг развязал широкий кушак, достал из его складок и подкинул на ладони несколько монет.

– Это медный джитан, на него можно купить кувшин воды и лепешку. А это – серебряный динар. Самая дорогая денга – золотой динар. Пять отличных скакунов можно на нее купить.

Алексей понял, что толстяк пришел не просто пообщаться. Продать раба Алексею, получив навар и одновременно приставив к нему соглядата. Заодно узнать о его планах – вдруг Алексей уже получил должность?

Кутлуг никогда ни с кем не скандалил, но, собирая от рабов информацию, знал все новости в становище в числе первых.

Не успел толстяк уйти, как в юрту, предварительно спросив разрешения, вошел телохранитель нойона. Это был именно тот, который подставил Алексею подножку и которому досталось под дых. Но на этот раз ситуация изменилась, Алексей стал сыном нойона и побратимом Сангира, и вести себя с ним следовало почтительно.

– Тебя призывает досточтимый нойон, поторопись.

Алексей был одет, сыт и, выйдя из юрты, прошел сотню метров до юрты Неврюя. Оба телохранителя, стоявшие у входа, при приближении Алексея выхватили из ножен сабли и отсалютовали ему. Для Алексея это было приятной неожиданностью. Такой ритуал выполнялся, когда в юрту входил сам Неврюй или его сын.

Алексей вошел, поклонился.

– Доброе утро, досточтимый нойон, да пусть продлятся твои годы!

– Ты стал выражаться как истинный могол, Алексей.

У Алексея едва не вырвалось: «С волками жить – по-волчьи выть», – но он вовремя придержал язык. Хотя волков, как хищников, моголы уважали, и некоторые сотни имели его своим тотемом, привязывая к воротникам или наконечникам копий волчьи хвосты.

– Садись.

Алексей уселся на подушку в пяти метрах от нойона. На пару метров ближе дозволялось садиться только близким людям или равным по чину, скажем – другим темникам.

– Не скрою, ты меня вчера приятно удивил. Амбагай давно нарывался на взбучку, в последнее время он слишком гордится собой. Твои удары были быстры, как бросок кобры. Ты доставил мне истинное удовольствие, настоящий воин. Я даже не могу понять, как тебя взяли в плен?

– Так сложились звезды.

– Бывает. Если у боярина Коловрата все воины были такие, не удивляюсь, почему наши воины понесли такие потери. К тому же хан Бату в первый раз на моей памяти отпустил пленных воинов.

Алексей впервые слышал похвалу русскому воинству из уст Неврюя, а нойон продолжил:

– Не использовать твои воинские умения – большое упущение. Взять тебя в свое войско я не могу, в твоих жилах течет кровь не моголов. Хотя по опыту и навыкам ты вполне мог бы стать сотником, а со временем подняться и выше. Поэтому я решил назначить тебя главным телохранителем.

У Алексея от удивления поднялись брови – такой должности для себя он не ожидал. Да и стоять у юрты нойона истуканом не больно-то и хотелось.

– Думаю, ты не понял. Стоять у юрты ты не будешь, для названного сына это низко. Все телохранители – а их два десятка – отныне будут подчиняться тебе. Ты должен их выучить всему, что знаешь сам, чем владеешь. Для тебя – самые широкие полномочия: ты волен их наказывать, выгонять – даже казнить за лень или провинности, неподчинение. Но через полгода они должны сражаться не хуже тебя, я проверю.

Алексей склонил голову – выбора у него не было. Так вот почему телохранители «ели» его глазами и салютовали ему. Небось прослышали уже, бестии, о нем, как о начальнике. Стоя у входа, наверняка что-то прослышали.

Для телохранителей была отдельная юрта, нечто вроде русской воинской избы.

Для начала Алексей захотел ознакомиться с личным составом. Когда он вошел, подчиненные лениво поднялись.

– Я ваш новый начальник, – громко объявил Алексей. – Отныне я волен каркать и миловать властью, данной мне досточтимым Неврюем. Кто не хочет учиться и соблюдать порядков, может вернуться в сарай для рабов.

У всех телохранителей в левом ухе поблескивала медная серьга раба. Набраны они были за хорошую физическую форму и когда-то давно, еще до Алексея, были воинами.

Желающих вернуться в сарай для рабов не нашлось.

– Встать в одну шеренгу!

Телохранители долго толкались, но кое-как встали.

– Подровняйте носки. Ты встань сюда, а ты – в конец шеренги, по росту. Теперь запомните соседа справа и слева, поскольку впредь вы будете стоять в таком же порядке.

Алексей решил обращаться с ними, как с новобранцами. Но для начала ему захотелось выяснить, кто они, откуда и какими навыками владеют.

Большинство оказались русичами, из разных племен – тиверцы, уличи, кривичи, вятичи, словене. Но были и из западных земель – два литвина, угр и даже хорват.

Алексей расспросил каждого – каким оружием владеет, пешим ратником был или конным, сколько служил, на каких должностях.

Картина вырисовывалась пестрая. У некоторых был боевой опыт, другие были малоопытными копейщиками. По-могольски они говорили сносно, но по роду службы от них требовалось молчание и выполнение команд. Самое плохое, что успел понять Алексей, – команда не была одним целым, каждый сам по себе. Случись бой – не будет чувства локтя, взаимодействия, взаимовыручки. А для любого, даже самого малого воинского подразделения это губительно.

– На сегодня вы все можете заниматься своими делами. Караул нести, как и прежде. Завтра начнутся упражнения.

Караул у юрты нойона менялся каждые шесть часов, и отлучиться – даже по нужде – телохранитель не имел права.

С утра, умывшись и позавтракав, Алексей вошел в юрту телохранителей.

– Строиться в шеренгу!

Встали, но медленно.

– Разойдись!

Телохранители разбрелись по юрте.

– Становись!

На этот раз встали быстрее.

Алексей строил и распускал шеренгу шесть раз, пока телохранители не научились выполнять команду быстро.

– Будете спать на ходу – будете строиться до вечера, – пригрозил Алексей. – Ты будешь дежурным, – ткнул он пальцем в грудь одному из подчиненных. – При входе моем подаешь команду на построение и докладываешь, кто в карауле, кто болен или о происшествиях. Понял?

Телохранитель кивнул.

– А теперь все сняли жилеты и за мной. – И Алексей побежал трусцой за становище.

Телохранители топали, пыхтели, но не отставали. Мальчишки таращили глаза на невиданное ранее зрелище.

Алексей описал два больших круга по лугу.

– Размялись, разогнали кровь? А теперь каждый ищите себе по камню. И предупреждаю – большому, в треть кынтаря.

Кынтарь – мера веса у моголов, сорок семь килограммов.

Телохранители начали искать камни, потом выстроились в шеренгу – у каждого перед ногами лежал камень.

Алексей осмотрел их:

– Ты – ищи побольше, а тебе – меньше, тяжело будет.

Не все воины поняли, для чего нужны камни.

У степняков был порядок: перед боевым походом каждый искал небольшой камень. Все камни воины складывали в кучу, а возвращаясь из похода, каждый забирал свой. Оставшиеся камни считали – они точно отражали число воинов, погибших в набеge. Просто и наглядно.

Но Алексей проводил тренировки с утяжелениями: с камнем на загривке бегали, приседали, его метали на дальность. Внешне телохранители недовольства не проявляли, не роптали, но Алексей чувствовал – они недовольны, кончилась сытая и размеренная жизнь.

Постепенно, понемногу, но каждый день он увеличивал нагрузку – бежали дальше, приседали больше. Затем начались упражнения с деревянными мечами. Телохранителей Алексей не жалел, и не потому, что поиздеваться хотел, власть свою показать, а потому, что помнил слова Суворова: тяжело в учении, легко в бою.

Занятия длились с утра и до трех-четырёх часов пополудни. После этого времени телохранители возвращались в юрту и падали без сил.

Со временем моголы привыкли к тому, что на лугу бегают и упражняются воины, и уже не обращали на это внимания.

Когда телохранители в полной мере освоили деревянные мечи, Алексей провел с каждым спарринг. Некоторые показали хорошее владение мечом, и он поставил их в пару с более слабыми – для отработки навыков. У всех от мечей на руках были ссадины и синяки – их бинтовали полосками ткани. Алексею это навеяло воспоминания о его обучении в бытность в византийской армии гоплитом.

Как Алексей понимал, функции телохранителя – не воевать на поле боя, а быть хранителем тела господина, в данном случае – нойона. Телохранителю не нужна стрельба из лука, метание дротиков и копий. Но, кроме владения холодным оружием, телохранитель должен уметь вести рукопашный бой, быть наблюдательным – не прячет ли входящий в избу человек оружие под одеждой? Не приближается ли к нойону вместе с толпой наемный убийца? Поэтому он учил своих людей драться – как умел сам. Броски, подножки и подсечки, удары по болезненным местам. Ударить в лицо – еще не значит вывести противника из строя. Тычок в кадык, удар в глаз или в солнечное сплетение, удар ногой по голени или в пах.

Парни его постепенно привыкали к тренировкам, видели в них пользу. Почти все накачали мышцы, сбросили жирок, да и глаза оживились, заблестели, хотя в самом начале тренировок они напоминали глаза снулой рыбы.

Незаметно пролетели полгода. Неврюй изредка появлялся на окраине становища, смотрел, как Алексей упражняется с телохранителями, хмыкал и уходил. Но в один из дней он решил устроить проверку, причем внезапно. Привел на луг два десятка своих моголов, и не молодых новичков, а опытных воинов. Противоборствующие стороны вооружили деревянными мечами и устроили показательный бой.

Алексей переживал за своих телохранителей, но они не подвели, дрались умело и отчаянно, да и чувство товарищества проявили: справившись со своим противником, свалив его на землю, они помогали это сделать товарищу.

Нойон хмурился: ему не нравилось, что моголы уступают, но одновременно он был доволен – Алексей здорово вымуштровал свою команду. Если раньше телохранители были данью традиции, антуражем, показателем высокой должности хозяина, то теперь это была боевая команда.

Когда начался учебный бой, посмотреть на него сбежались многие, так что к концу потешного сражения зрителей собралось много.

Неврюй подозвал Алексея:

– Вижу – не праздну ты время провел, сделал из своих людей хороших воинов.

– Для твоей безопасности, мой господин! – Алексей поклонился.

Нойон улыбнулся:

– Кто посмеет посягнуть на меня в моем собственном становище? Но не скрою, приятно.

Однако вскоре начались события, показавшие правоту Алексея – болгарские князья подняли восстание против моголов. Исподволь они копили силы в дальних аулах и выступили. Несколько гарнизонов в городах были истреблены.

Сведения о выступлении тут же стали известны хану Батыю, и он бросил на подавление болгар войско Неврюя.

Гонец привез приказ хана вечером. Нойон разослал указания своим сотням, которые были разбросаны по округе. Держать войско в одном месте было невозможно – лошади съели бы всю траву.

Уже к утру сотни в полном вооружении стали подходить к лагерю. Сразу стало многолюдно и шумно.

Неврюй собрал у себя в юрте сотников, определил порядок выдвижения.

Когда сотники разбежались выполнять приказ, Алексей вошел в юрту.

Неврюй выглядел озабоченным: болгары собрали большие силы и нападали исподтишка, пока не решаясь дать бой в чистом поле.

– Досточтимый Неврюй, позволь телохранителям выступить с тобой в поход.

– Ты готов за них отвечать? Не забывай, они не моголы, а рабы. Не переметнутся ли они на сторону врага?

– Готов ручаться.

– Якши. Пусть Кутлуг выделит по одному коню из моего табуна, а седла даст трофейные.

Алексей поклонился и попятился из юрты.

Прибежав в юрту телохранителей, он построил их.

– Мы выступаем в поход против болгар. Идем конно. Сразу предупреждаю – порядки будут как в войске моголов. Струсит и побежит один, а еще того хуже, если переметнется к врагу – казнят весь десяток, а то и всю команду. Помните это!

На этот раз у всех на поясах висели настоящие, а не деревянные сабли.

У Кутлуга взяли лошадей. Причем сначала толстяк попытался подсунуть им лошадей хворых, со сбитыми копытами, но Алексей эту попытку пресек.

Седла выбирали каждый себе сам.

Пока возились, войско Неврюя уже ушло, и пришлось его догонять. А за ними уже выходил из становища обоз – с провизией, лекарями, кузнецом – война без тыла невозможна.

До Булгара, где сейчас была ставка Батыя, было недалеко, и к вечеру войско расположилось у стен города.

Мятежники выступали со стороны Иски-Казани.

Нойон сразу отправился к хану. О чем говорили на совете, Алексей, естественно, не знал. Только утром выделили из каждой сотни дозорных, которые ускакали на разведку.

Каждый десяток моголов готовил еду на своем костре, и на отряд телохранителей косились: непривычная для воинов одежда, европейские лица – и ни у кого нет щитов, копий, луков. Сотники и десятники Алексея после памятного боя с Амбагаем узнавали, здоровались уважительно.

К вечеру дозорные вернулись и сразу направились к нойону с докладами. Алексей сам стоял у походного, маленького шатра Неврюя, и все доклады слышал, поняв диспозицию болгар.

Противник оказался неожиданно многочисленным, в общей сложности – немного больше тумена. Конечно, каждого воина не считали, это невозможно, сочли количество бунчуков.

На копье прикреплялись разные цветные ленточки, и у каждой сотни – свой бунчук. Бунчуком в бою отдавались команды, цвет своего бунчука сотня знала и спутать ни с каким другим не могла.

Булгары потеряли главный город своего государства, Булгар, но сохранили в целости другие, коих было много. И если Биляр был под моголами, то Джукету, Иски-Казань, Керменчук, Алабуха, Сувар и Кашан платили дань и воинских гарнизонов моголов не имели. Но главное для болгар – города располагались по берегам Камы, вокруг было много густых, зачастую непроходимых лесов, в которых можно было незаметно укрыть целую армию. Из этих краев и началось выступление мятежников.

Булгары, а фактически – татары, приняли ислам в 922 году и даже засылали послов в Киев, пытаясь склонить киевскую знать и князя к принятию ислама.

Сильной стороной болгарского войска была конница, ни в чем не уступающая могольской – выучкой, смелостью, дисциплиной.

На первых порах восставшие имели успех: территория велика, есть поддержка коренного населения, снабжение продовольствием, могольские гарнизоны малочисленны. Но как только гонцы с сообщениями о мятеже домчались до Батыя и он двинул на север свои тумены, ситуация резко изменилась – слишком неравны были противоборствующие силы. У Батыя армия превышала сто тысяч сабель, не считая вспомогательных войск, болгары же могли выставить войско почти в десять раз меньше. Им бы объединиться с русскими князьями да половцами, нанести удар сразу с трех сторон – и неизвестно еще, в какую сторону качнулась бы чаша весов, в чью пользу. Но гордыня мешала, да и вероисповедание разное. Русичи – православные, половцы – язычники.

Восставших подавляли жестоко, раненых добивали, и делали это не столько из-за кровожадности, сколько для устрашения и в назидание живым. Булгары отчаянно сопротивлялись, теряя воинов. Временами они, имевшие большой флот маломерных судов вроде лодок, фелюг, сажали в них воинов, под покровом ночи высаживались у могольских лагерей и нападали. Моголы в таких схватках лишались главного преимущества – своей ударной силы в виде конницы. Им приходилось сражаться в несвойственной манере – пешими. А такое войско не мобильно и плохо управляется. И лучникам, наносящим противнику значительный урон, ночью делать нечего. Дальше костра не видно – куда стрелять? Тактика партизанская, но болгары быстро оценили ее преимущества.

В одной из таких скоротечных схваток участвовал Алексей со своей командой телохранителей.

Дело было у Джукету, который расположен на Каме. Корпус Неврюя был распылен, многие тысячи его были направлены к разным городам Булгарии. Две тысячи расположились лагерем на берегу – для нойона, мурз и сотников были разбиты походные шатры. Лошадей пустили пастись на луг, выставили караульных – в походах безопасностью не пренебрегали.

Воины, разбитые на десятки, уселись у костров, ожидая, когда сварится баранина.

С верховьев Камы, под покровом темноты, спустилась флотилия булгар. Они тихо высадились выше лагеря и выслали разведчиков.

Булгар было много, около пятисот воинов. Их военачальник, выслушав доклад лазутчиков, сразу отрядил полсотни воинов – отсечь моголов в лагере от пасущихся коней. Остальные прокрались вдоль берега и напали на моголов.

Удар был внезапным, и первые десятки моголов погибли сразу. Сидевшие немного подальше успели вскочить, выхватить оружие и вступить в бой. Но без коня, без организованной массы, не получая ясных и четких приказов, могольский нукер – неважный воин. И хотя десятники и сотники пытались организовать шеренги, дать отпор напавшим, пока получалось плохо. Булгары давили, используя эффект внезапности, тем более что перед ними была видимая цель – белеющие в ночи шатры, там могольские военачальники. Убив их или захватив в плен, можно было лишиться могольских воинов командования. А без командира войско – вооруженная толпа.

Алексей наблюдал, как упорно пробиваются булгары к шатрам военачальников. Сам Неврюй наблюдал за боем, но что можно увидеть в ночи? Он рассылал гонцов к сотникам с приказами, но и гонцы в большей части случаев не могли найти в темноте и сутолоке боя адресатов. Воины перемещались: тут дерется группа моголов, а рядом булгары – как слоеный пирог.

По команде Алексея все группка телохранителей стояла рядом с походным шатром, буквально за спиной Неврюя. Дело людей Алексея – уберечь нойона, если опасность будет реальна, а не участвовать в бою.

Но по мере того как булгары приближались к шатрам, он начинал беспокоиться. Вот уже захвачен шатер одного тысячника. Подрубленная опора рухнула, и шатер упал. Но он был пуст, и тысячник не пострадал. Однако шатер – символ, поэтому среди булгар слышались радостные вопли. Основная их часть сосредоточилась здесь, на острие удара, и медлить было нельзя.

Неврюй и другие военачальники рядом с ним выглядели невозмутимыми, но Алексей понимал – это всего лишь маска, степняки всегда старались скрывать от посторонних свои эмоции.

– Вы двое – остаетесь у нойона, в случае опасности вы должны будете увести его.

– Как мы узнаем, что пора?

– Когда булгары подойдут на десять шагов.

Плохо, что у телохранителей не было щитов – по статусу не положено.

Алексей дал команду строиться в одну шеренгу. Он готовил своих воинов к пешему бою, и это было то, что они должны были уметь лучше всего.

Идя в атаку, моголы издавали воинственный вопль «Ала!». Русичи же имели свой клич «Славься!», и потому иноземцы зачастую называли их славянами. Вот и сейчас Алексей обнажил свою саблю и крикнул: «Славься! Вперед!»

Телохранители бросились в атаку. Хотя и не все из них были русичи, но «Славься!» закричали все.

Для булгар появление русичей в стане моголов стало неожиданностью, на несколько секунд клич вызвал замешательство. А телохранители уже врубались в ряды врагов.

Войско булгар было неоднородным, наряду с профессиональными воинами в их рядах были ополченцы – неважно вооруженные и плохо владевшие своим оружием. И удар телохранителей пришелся как раз по ополченцам. Отлично обученные, имевшие до пленения боевой опыт, телохранители вырубали противника и продвинулись вперед. Дрались они яростно, и булгары продвигались, отступали. Получалось, что отряд телохранителей раздвигал войско булгар, пытаясь рассечь его на две части.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.